

Ренат Янышев

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Чёрный шар для кандидата

Ренат Янышев

Чёрный шар для кандидата

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Янышев Р.

Чёрный шар для кандидата / Р. Янышев — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Словом можно убить - эту прописную истину в полной мере испытала на себе главная героиня. А если неведомый враг использует не только слово, но и дело?.. Значит, надо найти врага и воздать сторицей. Ответные ходы главной героини убедительно продемонстрировали, что если очень постараться, то можно отыскать чёрную кошку в тёмной комнате. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Композиция была составлена примитивно, в духе времён Павловской денежной реформы. В центре покрытого скатертью стола расположилась круглая стеклянная пепельница, битком набитая окурками, а рядышком примостилось блюдо с ломтиками козьего сыра. Также имелась газета, придавленная кофейной чашкой. Содержимое пролилось, и теперь на фоторепортаж с побережья Финского залива напоздало мокрое пятно.

Композицию составила я, выкурив пачку сигарет и выпив пол-литра кофе. Пролилась последняя чашка, когда я в сердцах припечатала по столу ладонью. Легче от этого не стало, и теперь я в тупой прострации следила за распространением воды по бумажным волокнам. Удивительное дело, жидкость устремилась во все стороны, но старательно обошла передовицу, словно побрезговала соприкоснуться с содержанием.

Статья называлась просто, без изысков, «НАУКА В ЗАКОНЕ». А под ней стояла подпись главного редактора. Ознакомившись с этим злобным пасквилом, я и слетела с катушек. И попережку с курением, поглощением сыра и кофе, успела вволю прорыдаться. Только так и не поняла, как теперь жить дальше. Самураи в этой ситуации говорят, что они «потеряли лицо» и делают себе харакири. Я не японка, но жить не хотелось ни капельки. В голове, наверно, уже в тысячный раз возник вопрос «за что?», а вот ответ так и не появился.

Я вновь потянулась к пачке, хотя от непрерывного курения во рту стало горько и противно до невероятия, и придвинула к себе газету.

«Как грустно, господа, становится иной раз, когда оглядываешь наши палестины. Уж кажется, всё явили миру. От правительственных чиновников, живущих на гранты из-за океана, и коммунистов-заводовладельцев, до «оборотней в погонах» и хирургов, торгующих человеческими органами. Порою кажется, что вокруг бушует сатанинский карнавал, где нечисть вырядилась в человеческие личины и заполнила собою всё пространство. И под приятными глазу масками творит бесчинства, погружая Отечество наше в хаос и деградацию».

Затем была составлена логическая цепочка, соединявшая ответственность власти с индивидуальной ответственностью и порядок с порядочностью. И, наконец, выплыло то, ради чего и писалась статья:

«За примерами далеко ходить не надо. Либералы и демократы сумели-таки убедить всех и каждого, что преступность неискоренима. О том, что криминал рвётся во власть, не говорит только ленивый. Даже Европа перестала от нас требовать решительных действий против легализации доходов, полученных преступным путём, и сама стала бороться с коррумпированными, заворовавшимися чиновниками отечественного разлива и «авторитетами».

И на этом фоне, как вам такое известие? Некий Черкасов Михаил Александрович, более известный в определённых кругах под кличкой Циклоп (в городе его «заслуженно» считают лидером одной из ОПГ), стал соучредителем целого психологического центра под звучным названием «АПЕЙРОН». Вот только центр этот будет пользоваться не нас с вами, не жертв землетрясений и иных катаклизмов, а так называемую братву. То есть профессионалы будут утешать и успокаивать преступников по принципу: совесть замучила? А ну-ка иди к нам, мы тебя враз успокоим, объясним, что к чему. И ты опять с новыми силами сможешь совершать грабежи, разбои и подлости.

Конечно, ни что не ново под Луной. Достаточно вспомнить пресловутые индульгенции, внедрённые в католический мир Средневековья. Убил – заплати, и вот тебе отпущение грехов от церкви. Украл – опять плати и иди успокоенный. На дворе двадцать первый век, священники сменились на психотерапевтов, а суть осталась прежней. Сорвите маски, господа, и вы увидите отвратительных циников, торгующих святыми вещами: душой и совестью.

Я абсолютно не в претензии к господину Черкасову. В конце концов, в среде, где он обитает, действует естественный отбор: выживает сильнейший и умнейший. И Черкасов просто одним из первых сумел осознать, какие выгоды сулит ему внедрение психологических технологий в своё окружение.

Меня в этой ситуации больше возмущает другое – это позиция людей, не побоюсь сравнения, коллаборационистов, что пошли в услужение к преступным элементам. И ведь вполне возможно, что эти «психологи-перевёртыши», спустя какое-то время втянутся в преступное ремесло и начнут свои знания применять не только для врачевания заблудших душ, но и для составления планов все более изощрённых преступлений. Я не стану называть фамилии этих дельцов от науки. Дело не в конкретных персонах, а в тенденции, охватившей наше разъединённое общество.

Право слово, грустно, господа!»

И подпись: Бурталов И.М.

Я стиснула челюсти до зубовного скрежета! Во мне проснулось некое чувство, обычно спящее в глубинах подсознания, и в данную минуту я казалась себе первобытной женщиной, спрятавшейся в пещере и нервно сжимающей рукоять сучковатой дубины. Будь этот Бурталов рядом, я бы долго не раздумывала: дубинкой по голове и в пропасть.

А ведь как все замечательно начиналось!

Тихое субботнее утро.

Верницкий уже успел выгулять Кармелиту и приготовил завтрак на кухне. Покинув институт, мой муж коренным образом изменился. Невероятно, но факт. Человек, разменяв пятый десяток лет, нашёл своё призвание. Так уж вышло, что по весне у нас появилась некоторая сумма денег, которую на семейном совете мы решили потратить на строительство небольшого загородного дома. И Сергей взял на себя руководство стройкой. Откровенно говоря, соглашаясь на эту авантюру, я думала, что по обыкновению заниматься этим придётся мне. Но не тут-то было. В муже проснулся прямо-таки талант. Он развил бурную деятельность (благо времени хватало) и вскоре мы купили двенадцать соток в районе Белоострова. Затем Сергей нашёл архитектора, а сам вызвался быть подрядчиком, прорабом, и снабженцем одновременно. Его идеей фикс стал режим строжайшей экономии. И надо сказать у него это получалось. Но, что гораздо важнее: человек, обретя призвание и дома изменился к лучшему. Сплошные плюсы.

Так что, на данный момент, а именно к середине октября, у нас уже имелись фундамент, стены и крыша. Сегодня Сергей как раз хотел, чтобы мы поехали на стройку, посмотреть на законченное покрытие из металлочерепицы и рассчитаться с бригадой белорусов.

И вот, вернувшись с прогулки, мой муж беспечно оставил на кухне свежкупленную газету и после завтрака решил отлучиться часика на два, чтобы совершить очередное паломничество в строительные магазины. Уж что ему там было нужно, я не вникала, главное, что человек при деле, и глаза светятся от трудового энтузиазма. А я, оставшись одна, принялась убирать со стола. Вот тут-то мне и попала на глаза эта гнусная статейка.

Вообще-то я газеты не читаю. Как-то не сложились у меня взаимоотношения с прессой. Так, изредка, если Серёжка настоятельно порекомендует что-либо. Поэтому, унося газету в гостиную, я чисто машинально мазнула по ней взглядом, увидев неплохую пейзажную фотографию, сделанную в Комарово. А поскольку в институте овладела в совершенстве чтением «по диагонали», то глаз и зацепился за набранное заглавными буквами и жирным шрифтом название «АПЕЙРОН» ...

...Это я, не кто-нибудь, а я решила так назвать свой психологический центр. Алёна, моя подруга, вместе с которой мы и собрались уйти из института на «вольные хлеба», услышав предложенное название, лишь неопределённо пожала плечами:

– Не слишком ли заумно? Может, придумать чего попроще?

Но я наотрез отказалась. А Миша (тот самый, которого упоминали в статье) вообще уклонился от обсуждения.

– Не грузите меня, Валерия Михайловна! – замотал он головой, словно медведь, отгонявший надоедливую пчелу. – Я вам офис сделал? Мебель поставил? Клиентами на первое время обеспечил? Всё! Остальное сами, не маленькие!

– Хорошо! – легко согласилась я. – Тогда я считаю, что предложенное мною название принято единогласно.

– Пойдите, – встрепенулся Миша, – а что оно хоть обозначает?

– Всё непознанное и безграничное вокруг нас в мире и Вселенной, – осуществила я вольный перевод с древнегреческого.

Миша этим удовлетворился, явно решив не вникать в философские тонкости этого термина. Он хлопнул по коленям своими ручищами, и произнёс, поднимаясь со стула:

– Ну и чудненько! Кстати, а как насчёт презентации? С прессой, с представителями администрации? Площадку подыщем где-нибудь в районе Смольного. Чтобы все понимали, что к чему. Что не лажа очередная появилась на свет, а конкретная фирма.

Но мы с Алёной дружно отказались, и он не стал настаивать. На этом заседание соучредителей центра было закрыто. Так, без излишней помпы, «Апейрон» начал свою работу...

...Да! Среди моих клиентов, действительно, в основном были лица из криминальных кругов. Вернее, из Мишиного окружения.

НО! Но, и ещё раз, но! Моя помощь касалась их личной жизни (проблем из прошлого, семейных неурядиц) и ни в коей мере их профессиональных занятий.

А Алёнка изначально (уже целую пятилетку) занималась групповым тренингом с людьми, вообще не имеющими никакого отношения к Уголовному кодексу. Это были в основе своей коллективы небольших фирм.

У Миши Черкасова неподалёку от набережной Робеспьера имелся респектабельный бизнес-центр «Бастион», на первом этаже которого нам под офис было выделено четыре смежных помещения. Мы с Алёной решили распорядиться ими так: кабинет на двоих, помещение для индивидуальной работы, зал для групповых занятий и комната неясного назначения (пока мы в ней разместили мини-кухню и уголок для отдыха). Но в перспективе к нам собиралась присоединиться Оксана, так что как раз бы вышло: всем сёстрам по серьгам. Оксана также, как и мы преподавала в институте прикладной психологии.

В августе ремонт был закончен и с первого сентября «Апейрон» начал работать.

Да и институт мы не бросали окончательно. Просто я, защитив-таки по весне диссертацию, почувствовала себя более независимой и перешла на полставки, посвятив высвободившееся время «Апейрону». А когда Белявская Маргарита Васильевна (наш ректор) выразила недовольство, я лишь неопределённо пожала плечами и осторожно намекнула, что за своё место держусь лишь постольку поскольку.

Белявская правильно поняла мои внутренние побудительные мотивы и хмыкнув, уточнила:

– Что, Валерия Михайловна? Оперились и другое гнездо подыскать решили?

Я подыграла ей в тон и ответила:

– Другое не другое, а самостоятельно искать корм тоже нужно учиться.

– Ну-ну, – поморщилась Белявская, но заявление все-таки подписала...

...Все это мелькало перед глазами, пока я сидела, тупо уставившись на статью, в пух и прах разносившую мою репутацию. Интересно, как этот редактор все сумел выяснить? И что такого я сделала, что он решил меня выпороть публично? Его фамилия ничего мне не говорила, да и с прессой я никогда прежде дел не имела.

Первый шок прошел, и я стала приводить себя в порядок. А то скоро уже Сергей явится домой, а я тут в совершенно непрезентабельном виде. Поэтому я заглянула в ванную, а затем перекочевала к зеркалу, чтобы немного поколдовать над имиджем.

В принципе эмоциональная встряска не нанесла серьёзного урона моей внешности. Ну, веки чуть припухли, да глаза слегка покраснели – это поправимо. Я вымученно подмигнула своему отражению и вооружилась косметикой.

Конечный результат примирил меня с действительностью. По весне мне вздумалось коротко подстричься и покраситься в жгучую брюнетку. Но с тех пор волосы отросли и были заново перекрашены в наиболее близкий к природному цвет – каштановый с бронзовым отливом. Все-таки зелёные глаза больше сочетаются с коричневым, чем с черным. Хотя большинство моих знакомых выразили лёгкое недоумение по поводу моих имиджевых метаний. Видите ли, я им больше понравилась брюнеткой.

Всё! Я успокоилась и взяла себя в руки, в конце концов, впереди полтора дня, чтобы выработать отношение к реакции окружающих, неизбежно узнающих о газетном выпаде в мою сторону. Но в понедельник я первым делом наведу в редакцию. Я заставлю этого нехорошего человека опубликовать опровержение. О! Он не знает, с кем связался!

...Так что, когда Сергей вернулся из похода по магазинам, я уже полностью собралась.

– На твоей, или на моей поедем? – чересчур небрежно уточнил муж.

– Сам рули, – отмахнулась я, и он просветлел.

Это тоже целая история. Верницкий (это наша фамилия) прежде испытывал, скажем так, робость перед вождением автомобиля. Однако поездки на стройплощадку потребовали мобильности, и он преодолел себя. Приобрёл видавшую виды «семёрку» и начал заново осваивать городские улицы, уже не в качестве пассажира, а водителя.

Увы, увы, но наши совместные поездки стали для меня тяжким испытанием. Никогда бы не подумала, что внутри меня проснётся автомобильный критик. Раньше, в безлошадные времена, редкие поездки на авто друзей, или такси, проходили совершенно безмятежно. Я была пассажиркой и совершенно не обращала внимания, кто как ездит. Зато теперь! Я стала прямо-таки патологически неспособна сидеть рядом с водителем. Мне как минимум нужен был второй комплект управления, потому что руки так и тянулись в сторону руля, а ноги сами искали педали. Кроме того, иная манера езды, водительские ухватки – всё это вызывало во мне острое чувство раздражения и едкую критику.

Но, поскольку я ко всему прочему являюсь психологом со стажем, то прекрасно понимаю, что следует держать себя в руках, и не давать волю языку. Нельзя гнобить начинающего водителя. Вот и приходится страдать, молчанием зарабатывая язву собственному желудку!

А Верницкий, не замечая вулкана, клокотавшего во мне, благополучно выбрался из города и, пристроившись за грузовиком, плетущимся по правой полосе, позволил себе несколько расслабиться и даже включил музыку.

– Серёжа! – ласково обратилась я к нему, выждав минуту. – Может, ты обгонишь эту колымагу, и мы не будем дышать выхлопными газами?

– Да надо это? – протянул муженёк. – Все равно сейчас уже наш поворот будет.

До нашего поворота оставалось километров пять, но переубедить этого упрямец я так и не смогла. По счастью грузовик сам вскоре свернул и перед нами расчистился оперативный простор. Верницкий разогнал свою «семёрку» до восьмидесяти и теперь сидел, сжав руль с такой силой, что я боялась, вдруг он его сейчас оторвёт.

Посёлок встретил нас пустынными улицами, по которым неспешно прогуливались бродячие собаки, и стаей морозоустойчивых комаров. Уже пар изо рта виден, а эти кровососы, больше похожие своей бледной немочью на комариных «зомби», вяло пытались пристроиться к нам. Я вооружилась веточкой и, отгоняя настырных насекомых, двинулась на осмотр местной достопримечательности под названием «дом будущего».

Заслышав наш приезд, навстречу из строительного вагончика повылезали белорусы. Потягиваясь на свежем воздухе и потирая мятые спросонья лица, они окружили нас, ожидая расчёта. Пока Сергей занимался финансами, я обошла кругом нашу будущую недвижимость и поневоле залюбовалась увиденным, потому что это было моё! Ну, вернее наше. Всё-таки, как хорошо быть собственником. И хотя передо мной возвышались лишь голые стены из больших белых блоков, да крыша чёрного цвета, я уже мысленно принялась прикидывать какие шторы купить в гостиную.

Но от приятных размышлений меня отвлек Верницкий. Превосходно зная, что я ничегошеньки не смыслю в технике и конструкциях, он решил поглумиться надо мной, уточняя моё мнение относительно прокладки труб и проводов.

Только я не поддавалась на провокацию и отправилась побродить по окрестностям...

...И лишь когда мы вернулись домой, я не выдержала и показала статью мужу.

– Так что же ты мне сразу не сказала? – раздраженно пришлёпнул по столу ладонью Сергей, ознакомившись с содержанием.

– Ты бы стал нервничать за рулём, а я не хотела, чтобы мы попали в аварию.

– Нет, ну урод, – затрясся было в праведном негодовании муж, весьма удачно охарактеризовав моего недоброжелателя, а потом неожиданно переключился на меня. – А ведь я тебе говорил! Все тайное становится явным! Красивой жизни захотелось? Вот и получай по полной программе! Вместе с бочкой мёда и обязательную ложку дёгтя! Теперь ты наверняка станешь постоянной фигурой в колонках светских сплетен и любимым объектом «жёлтой» прессы. Я с самого начала знал, что все этим кончится!

– Это с какого такого начала? – стараясь не раздувать ноздри, поинтересовалась я.

– Ну, когда ты познакомилась со своим Циклопом, – не подозревая, что сам же кладёт голову на плаху, отвечивал правдоруб.

И в тот момент, когда я уже готова была взорваться, мне вдруг пришла в голову мысль, что Верницкий прав. Раз я решила стать деловой дамой, то должна смириться с тем, что моя жизнь станет более публичной. И если я буду так психовать из-за выпадов папарацци, то в ближайшие полгода обеспечу себе целый букет психосоматических заболеваний: от язвы до... До... Нет! Лучше я психовать не буду! Все равно от сплетен не застраховаться, так что надо быть выше этого! Итак, решено, переживать не буду, но выясню, откуда у этой статьи ноги растут.

Поэтому я поглубже затянулась и, с удовольствием выпустив целое облако дыма, съехидничала:

– А я думала, что ты об этом узнал на нашем первом свидании!

– Что ты все время ёрничаешь, – внезапно обиделся на меня Верницкий. – Ты бы лучше подумала теперь, как быть дальше. Теперь весь город будет знать о том, что ты якшаешься с бандитами!

– Только не надо пафосных фраз, – поморщилась я. – И где ты этого набрался? Весь город! Не выдавай желаемое за действительное! Весь город – это несколько миллионов человек, а тираж этой газетёнки – от силы двадцать тысяч. К тому же, большинство моих знакомых вряд ли её покупают. И, наконец, те, чьим мнением я дорожу, не станут ко мне относиться хуже из-за дурацкой статьи. Вот ты не будешь?

И я быстро перескочила со стула на колени к мужу, игриво обвив его шею рукой.

– Чего не буду? – проявил редкостную тупость Верницкий.

– Ты не переспрашивай, а отвечай, – затеребила я его за уши, – что не будешь!

Он покорно повторил требуемое, и весь дальнейший вечер протёк без осложнений и эксцессов. Само собой разумеется, что о статье больше не было сказано ни слова...

... В понедельник, ближе к полудню, я припарковалась на набережной Фонтанки, неподалёку от БДТ, и только что не приплясывая от нетерпения, направилась к зданию бывшего

Лени дата. Где-то там, среди скопления прочих работников пера и ноутбуков, обитал и Бурталов И.М. со товарищи. Ух, как мне хотелось взглянуть в его бесстыжие глаза.

Миновав беспрепятственно вахту, я поднялась на третий этаж и быстро отыскала заветный офис. Помещение, по размерам похожее на институтскую аудиторию, было заполнено мебелью, компьютерами и людьми. И никакого бедлама – все чинно, культурно и тихо. Газетчики, прильнув к мониторам, не обратили на меня никакого внимания. Зато я разглядела в дальней стене дверь с табличкой и, справедливо рассудив, что главный редактор может обитать только там, двинулась на штурм. Поначалу секретарша (дама необычайно властного вида – ей бы самой сидеть в кабинете, а не двери сторожить) не хотела меня пропускать, но я обворожительно улыбнулась и намекнула, что к потенциальным рекламодателям следует относиться более уважительно. Цербер в юбке присмотрелась ко мне, мысленно прикинула стоимость моей одежды и, уточнив инициалы, скрылась в кабинете своего шефа. Не прошло и минуты, как она распахнула передо мной дверь:

– Прошу!

Кабинет, как кабинет. Выкрашенные серой краской стены залеплены листовками с глупым содержанием (типа, как следует вести себя подчинённому в присутствии начальника, и прочая и прочая). Белый потолок, белые жалюзи, белая дверь и ярко-синий линолеум. Б-р-р! Чёрный дешёвый стол для совещаний, окружённый металлическими стульями. Вот только монитор, что красуется на столе, тянет на тысячу долларов. А больше никаких излишеств я не заметила.

Зато владелец кабинета сразу приковал к себе моё внимание. При первом же взгляде сложилось ощущение, что некий скульптор сначала вмял бурталовское лицо внутрь головы (так мальчишки в школе сдавливали полуспущенный мячик кулаком внутрь) а потом попытался вытянуть за нос обратно, но безуспешно. В результате казалось, что глаза смотрят не на вас, а друг на друга. При этом нос вызывающе торчал вперёд и вверх, словно приняхивался к вам. Взъерошенная, явно давно не стриженная, шевелюра главного редактора была бы более уместна в сочетании со старым свитером где-нибудь в тайге, но никак не со строгим костюмом и галстуком в кабинете.

В довершение всего оттопыренные уши и уныло опущенные уголки губ придавали Бурталову вид несколько угрюмый и одновременно обиженный.

«Да уж, с такой внешностью поневоле станешь мизантропом», – подумала я: «Теперь становится ясным откуда взялась такая язвительность и желание очернить все и вся. Прожить полвека в таком обличье – это не поле перейти».

– Присаживайтесь, – без предисловий предложил редактор и шмыгнул носом. – Валерия Михайловна? Я правильно запомнил? Итак, с чем же вы к нам пожаловали? Кстати, меня зовут Игорь Максимович.

– Да вот, решила на вас посмотреть, – с вызовом ответила я и тут же раздосадованно поняла, что эта фраза отдаёт дешёвой театральщиной.

– Не понял, душа моя, – спокойно произнес Бурталов. – Вы ведь не в гляделки играть сюда пришли? Давайте не будем разводить детский сад! Судя по интригующему началу и вызову в голосе, вы пришли как минимум поругаться. Я прав?

– Абсолютно, – подтвердила я и представилась. – Я – директор психологического центра «Апейрон». Что вы на это скажете?

– Ничего, – пожал плечами редактор и впервые позволил себе улыбнуться. – Наоборот, это я жду, когда вы объяснитесь.

Начало разговора получалось каким-то неправильным. Я предполагала, что Бурталов узнав, кто перед ним, хотя бы слегка смутится, тут-то я его и дожду. Теперь же следовало поменять тактику, и я по-хозяйски уселась на один из стульев, показав тем самым, что разговор будет долгим, и из кабинета я не уйду, пока не добьюсь своего.

– Мне хочется понять, чем вы руководствовались при написании своей гнусной статьи, – объяснила я свой приход сюда.

Редактор потянулся в кресле и, демонстративно вздохнув, ответил:

– У меня нет ни сил, ни желания дискутировать с вами. Поэтому я просто предлагаю вам тихо-мирно удалиться и не мешать мне работать. В противном случае, если вы меня разозлите, я устрою вам такую «рекламную» кампанию, что от вас клиенты, как от чумной, шарахаться будут. Если же вы думаете, что за вашей спиной пугающе маячит тень Черкасова, то глубоко ошибаетесь, будто на меня это может подействовать...

После небольшой паузы он продолжил:

– Знаете, что? Вы мне видите женщиной импульсивной, но способной услышать голос разума. Поэтому я вам укажу на три ваших ошибки. Первая: никогда не ходите на встречу, не собрав хоть каких-нибудь данных на собеседника. Вторая: явившись ко мне, вы убедительно доказали, что я попал не в бровь, а в глаз. Признаюсь, мне это лестно. Если бы вы не пришли, то я бы уже через неделю забыл о вас и вашем центре. А вот теперь, я начинаю подумывать, чтобы копнуть глубже. Вы меня заинтересовали, душа моя.

– Перестаньте так ко мне обращаться, – огрызнулась я. – И в чем же моя третья ошибка?

– В газетных текстах следует анализировать не эмоциональную сторону, а фактическую. Так что, если я где-то напутал, например, с названием или датой, то я готов опубликовать опровержение. Но я ведь ничего не напутал? И не допустил оскорбительных высказываний в чей-либо адрес? Нет? Нет! Поэтому, если у вас ко мне все, то закройте, пожалуйста, дверь с той стороны.

И Бурталов, положив руку на мышь, уставился в монитор.

Я была разбита в пух и прах. И уже поднимаясь, задала свой последний вопрос:

– Идея этой статьи принадлежит не вам. Кто вам её подкинул?

Редактор оторвал голову от экрана и вместо ответа попросил:

– Выходя, скажите, пожалуйста, секретарше, чтобы она приготовила мне кофе. Если вас не затруднит, конечно.

Я в сердцах хлопнула дверью и не найдя ничего более мудрого, бросила на ходу его черберше:

– Ваш шеф попросил себе кофе со стрихнином и верёвку с мылом.

Глупо, конечно, по-детски, но мне стало легче.

Уже устроившись в ласточке, я завела двигатель и позволила себе отдышаться. Данный визит следовало рассматривать как полный провал. Как психолог я доказала свою абсолютную несостоятельность. И тем не менее, по косвенным признакам, стало ясно, что сам Бурталов лично против меня ничего не имел. Скорее всего, сведения обо мне ему кто-то подкинул. Вот этот кто-то и есть вражина. Но как вытянуть нужную информацию из Бурталова я не представляла. И потому решила подождать до вечера, когда встречу с Мишей...

...В последнее время в «Бастионе» я стала бывать гораздо чаще, чем в институте. Что ж, все течёт, все меняется. Знакомый охранник с улыбкой козырнул мне, пропуская на подземную стоянку, и я лихо затормозила на своём законном месте.

Вот только теперь я направилась не на первый этаж, где располагался мой офис, а к лифтам. Прежде (до создания «Апейрона») Черкасов мне выделил кабинет на четвёртом этаже, напротив кабинета Константина Эдуардовича Красовского, своего заместителя. Хорошие были времена. Тогда мы частенько устраивали посиделки втроём. Зато с начала осени ни разу не собирались вместе. И пока я поднималась в лифте, то подумала о том, что это надо бы исправить. И не позднее чем сегодня.

Леночка, секретарь Красовского, явно обрадовалась мне и когда я поинтересовалась на месте ли босс, многозначительно нахмурила брови и сжала губы бантиком. Эта гримаска означала, что за дверью происходят важные события и сейчас туда нельзя.

– Что ж, подождём, – философски заметила я и поудобнее устроилась в кресле для посетителей, предполагая полистать какой-нибудь журнал.

Но у Леночки имелись собственные виды на подвернувшуюся оказию. Она вознамерилась получить экстренную психологическую консультацию по взаимоотношениям со свекровью. Деваться мне было некуда, пришлось дать ей пару рекомендаций общего характера.

По счастью, когда я уже по уши погрузилась во взаимоотношения молодожёнов и более старшего поколения, за дверью послышались шаги и из кабинета вышли один за другим пятеро мужчин. Все они меня хорошо знали и принялись здороваться. А вслед за ними на шум из кабинета появился и сам хозяин.

– Здравствуйте, здравствуйте, Валерия Михайловна! – заулыбался он и поцеловал мне руку.

...Мы знакомы уже полтора года, а я все не могу к этому привыкнуть. Боже мой, как это приятно, когда он берет мою руку и прикасается к ней губами!

Господи! Ну за что мне такое наказание!

Уже семнадцать лет я живу с Верницким. Мы женились по любви, у нас есть дочка. Жизнь удалась. Семейный очаг крепок, и я по-прежнему люблю Сергея, хотя все его недостатки (а их немало) известны мне наизусть.

Но полтора года назад я познакомилась с Константином Эдуардовичем. Говоря словами героини Сары Джессики Паркер, я повстречала Мужчину своей мечты. Сероглазый шатен сухощавого телосложения с аристократическими манерами и шпионским прошлым. Разведён. Причём и он явно выделяет меня из прочего женского сословия.

Алёнка, склонная к решительным поступкам, как-то раз напрямую мне заявила:

– Что ты маешься? Стань его любовницей и всех делов. Никто от тебя не требует бросать Верницкого.

– Я не могу, – непритворно вздохнула я.

– Ну и дура, – заклемила меня подруга...

– Здравствуйте, Константин Эдуардович, – очнулась я, когда он отпустил мою руку. – Мне нужно с вами поговорить.

– Прошу, – пропустил он меня в свой кабинет и закрыл дверь.

Первых полчаса мы обсуждали насущные дела. Как-никак, а мой центр был призван оказывать массу услуг в первую очередь Константину Эдуардовичу: от психологического тестирования новичков при приёме на работу до контроля за внутриколлективными связями.

Но вот официальная часть закончилась, уже Леночка принесла нам кофе, лишь тогда я достала из сумки газету со злосчастной статьёй.

Мой визави внимательно ознакомился с творением господина Бурталова, лукаво ухмыляясь при этом, хотя я в статье не нашла ни толики юмора.

– Валерия Михайловна, – наконец поднял он на меня глаза, в которых так и плескалось желание расхохотаться. – Всё понимаю и скорблю вместе с вами. В первый раз это всегда тяжело. Дальше будет легче. Не мне вам объяснять, что, обращая внимание на подобные инсинуации, мы лишь портим себе нервы. Живите проще, к чему рефлексировать на то, что мы не можем изменить?

– Но ведь нельзя же такие выпады оставлять безнаказанными?

– Можно, – огорчил меня мой визави, – и даже нужно. Не опускайтесь до уровня этих газетных Мосек, и вам же будет легче.

– Да я и сама вроде бы все это понимаю, – отозвалась я, – но ведь ужасно обидно. Главное же, из-за чего я к вам пришла, в другом. Я уже была у Бурталова сегодня, пыталась выяснить, кто подкинул ему материал для статьи. Однако неудачно. И вот, подумала, может быть, вы сможете подсобить?

– Видите ли, Валерия Михайловна, – поскущел Константин Эдуардович, – скажу откровенно. У Михаила Александровича и без этой статьи есть целый ряд претензий к вашему обидчику. Но, здесь есть одно большое «НО»! Эта газета является неофициальным рупором Смольного. Кроме того, у Бурталова есть покровители как на уровне губернаторской свиты, так и в Государственной Думе. Поэтому неоднократные переговоры о внесении корректив в судьбу данного индивидуума заканчивались безрезультатно. Более того, Михаилу Александровичу очень прозрачно намекнули, чтобы он уступил в этом вопросе. Как вы понимаете, большая политика требует взаимных уступок. Поэтому нам лишь остается терпеть его укусы. Ведь в конечном итоге, он играет нам на руку. Антиреклама – тоже реклама. Так что, ответу по-военному. Нет, пулемёта я вам не дам! Выкиньте эту историю из головы, забудьте, как страшный сон. И Черкасов вам скажет тоже самое. А вот и он, лёгок на помине...

Действительно, из приёмной послышались властные раскаты Мишиного голоса, дверь тут же распахнулась, и на пороге возник хозяин «Бастиона» (и не только «Бастиона»).

Где бы Миша ни появлялся, везде он производил ошеломляющее впечатление. В буквальном смысле великан, человек-гора, при росте в два метра семь сантиметров он весил сто шестьдесят килограммов. В довершение к портрету: некрасивый шрам через щеку и весьма жёсткое выражение глаз.

Вот и сейчас его фигура заполнила весь проем. А под боком у него пристроилась незнакомка. Отнюдь не Катя. Катя – это законная Мишина супруга.

Я бы не обратила на девицу внимания, если бы не ее повадки, явно свидетельствовавшие, что у нее на Мишу вполне определённые виды. Яркая эффектная брюнетка лет двадцати пяти, в кожаном брючном костюме. Кто-то в роду у нее наверняка был или из цыган, или из казаков. Если не топ-модель какого-нибудь агентства, то наверняка актриса. Единственное, что её портило – это чересчур загорелая кожа. У меня сразу в голове возник мотивчик: «Замечательный мужик меня вывез в Геленджик», и картинка из соответствующего клипа: хорошо прожаренная куриная тушка на песке у моря.

– О! Валерия Михайловна! По делу, или так, в гости? – сразу заулыбался Миша и тут же обратился к своей спутнице, шлёпнув ее пониже спины. – Так, Ирина, ну-ка, подожди, пока позову, с той стороны двери.

Девица недовольно взбрыкнула и, одарив меня ревнивым взглядом, скрылась в приёмной, не преминув хлопнуть дверью.

– С характером, – прокомментировал выходку своей спутницы Миша.

С такой же интонацией родители умиляются своему двухлетнему отпрыску, когда тот с размаху бьёт об пол тарелку, не желая есть кашу.

– С норовом и амбициями, – отозвался Константин Эдуардович.

В его голосе сквозило неприкрытое недовольство. Судя по реплике, между ними разгоралось некое давнее противоречие.

– Только не надо старых песен о главном, – раздраженно заметил Черкасов.

– Зато Стамеска нам нужен, – упрямо гнул свою линию помощник.

– Так, ша! – окончательно рассердился Миша. – После перетрём, тем более что базар как раз за Стамеску.

– Вот как? – непритворно удивился Константин Эдуардович. – Ну хорошо.

Терпеть не могу, когда в моем присутствии ведутся разговоры обиняками. Но тут мужчины покосились на меня и сделали виноватые лица.

– Всё, всё! – поспешил заверить Миша. – Теперь внимание только к вам.

До того, как Красовский посвятил меня в тонкости взаимоотношений Черкасова и Бурталова, я намеревалась подать свою слёзную историю красочно и артистично, чтобы Миша немедленно снарядил карательную экспедицию. Но теперь запал прошёл, и жалоба моя вышла

скомканной и невнятной. Мне даже самой стало не понятно, из-за чего собственно «кипеж» было поднимать? Кажется, так выражаются в подобной ситуации Мишины подчинённые.

Между тем сам Миша повертел-повертел в руках газету, прочитал бурталовскую стряпню и вопросительно воззрился на меня:

– Так я не понял, что здесь не так?

В поисках поддержки я перевела взгляд на Константина Эдуардовича, однако тот вместо помощи лишь покусывал губы, пряча усмешку.

– Но ведь это неправильно, – растерялась я. – Какое он имел право?

– Ой да ладно, – пренебрежительно отмахнулся Черкасов. – Валерия Михайловна! Я ведь и вправду не розовый и пушистый. Про вас там и вообще ни слова. А то, что этот придурок написал про преступность и совесть, так флаг ему в руки. И вообще, мой вам совет, меньше читайте газет – здоровее будете.

– А вас разве не задевает столь рьяный интерес Бурталова к вашей персоне? – мстительно поинтересовалась я.

– Ни грамма, – на голубом глазу ответил Миша.

– Да?! – я многозначительно усомнилась.

– А-а-а! Вон вы о чём! – улыбнулся Миша. – Эдуардыч уже успел языком трепануть? Так это давняя история. Просто Бурталов возомнил себя сыщиком и начал собирать на меня досье. И во время сборов залез не туда куда нужно. Как бы то ни было, а ту проблему разрулили по-тихому – никто не сел, никто не лёг. Между прочим, Валерия Михайловна, вы радоваться должны, что он вам бесплатную рекламу сделал.

– Я поостерегусь подобную медвежью услугу называть рекламой, – буркнула я в ответ. – И вообще, я ведь не прошу подкараулить этого редактора в подъезде и побить хорошенько. Меня другое интересует. Кто дал ему материал на «Апейрон»? Вряд ли он сам заинтересовался мною. Хоть вас и упоминали, но судя по интонациям, целились именно в меня. Поэтому я спрашиваю прямо, вы можете мне помочь разговаривать Бурталова? Да или нет?

– Нет, – твёрдо ответил Миша. – Я дал слово очень серьёзным людям в Москве, что не трону и пальцем эту сволочь. А я слово всегда держу. Так что не обессудьте.

– Жаль, очень жаль, – подвела я итоги. – Я очень рассчитывала на вас. А теперь придётся самой искать обидчика.

– Зачем? – удивился Миша. – Не пинайте говно, вонять не будет.

– Э, нет, – покачала я головой. – У меня есть смутное подозрение, что этот Некто не ограничится одной статейкой. Так что чем раньше я смогу установить, кто это, тем лучше. Для меня. Вот так вот.

– Вам, конечно виднее, вы у нас психолог, – с сомнением произнёс Константин Эдуардович. – Но лично я здесь не усмотрел злого умысла на вашу репутацию. Наоборот, вашу фамилию скрыли от широкой публики. Так что мне кажется, вы здесь постольку поскольку.

– И вообще, – вмешался Миша. – Может вы заработались чересчур, что стали такой подозрительной? Как эта болезнь называется, Эдуардыч? Ну, ты рассказывал намедни?

– Паранойя, – откликнулся Красовский.

– Во-во, это уже паранойей пахнет, – закончил Миша.

– Ну, спасибо, вы мне уже и диагноз ставите, – неприкрыто обиделась я.

– Точно, вам надо срочно в отпуск. На недельку куда-нибудь на юга! – воскликнул Миша.

– Я уже была летом в Италии, – ответила я.

– Я помню, – не смутился Черкасов. – А сейчас в Индию.

И ловко перевёл наш разговор на сравнение гостеприимства у разных народов.

В общем, если подытожить, то от моих работодателей я возвращалась не солоно хлебавши. В помощи мне отказали, да ещё и не поверили. Но тут уж дудки! У психологов есть внутреннее чутьё! Метили именно в меня!

Уже вернувшись домой я принялась так и этак прикидывать способы получения информации от Бурталова, но ничего толкового не надумала. Поэтому решение этой задачи пришлось пока отложить в долгий ящик. Ничего, не в первой. Рано или поздно, а найдется подход к редакторским секретам...

... Вечером в четверг я славно отстрелялась в «Бастионе» с тремя новенькими кандидатами на приём в Черкасовскую «корпорацию». Они выполнили все предложенные тесты, причём с первого раза. Так что я, подходя к ласточке, уже тихонько радовалась, что засветло доберусь домой и успею что-нибудь сочинить на завтра, может даже соберусь с духом и приготовлю плов, а то Сергею уже давно обещала. Но не тут-то было. В сумочке принялся елозить мобильник, требуя моего внимания, и на дисплее высветился не кто иной, как сам «ЦИКЛОП». Мы обменялись приветствиями, и Миша попросил меня подняться наверх.

Разве могла я отказать в такой малости своему деловому партнёру (это если в юридическом смысле) и благодетелю (это если по жизни)? Ну, конечно, нет! И я направилась к лифтам.

Когда я вошла, то сразу же по тягостной атмосфере поняла – что-то случилось. Константин Эдуардович здороваясь, как-то виновато улыбнулся. Да и Миша, произнося приветствие, поводит плечами, словно ему что-то мешало, и он хотел почесаться, но никак не мог решиться.

Я уселась за стол лицом к окну и выразительно подняла брови:

– Как я понимаю, имеют место быть какие-то неприятности?

– Что-то типа, – скривился Миша. – Короче, не люблю я таких разборок, но делать нечего.

Вот, глядите.

И он протянул мне несколько фотографий.

На первом снимке была запечатлена я, собственной персоной. Я сидела в гордом одиночестве за столиком, мечтательно устремив взор в потолок. По интерьеру я сразу опознала кафе, которое уже по праву можно было назвать институтским, потому что добрая треть преподавателей предпочитала здесь обедать и пить кофе. Судя по моей причёске и одежде, фотография была сделана вчера. Впрочем, это подтверждалось цифровой записью внизу. Недоумевая, кто и зачем решил запечатлеть меня, я взглянула на следующий снимок. Теперь за столиком кроме меня фотограф-вуайерист зафиксировал незнакомца. Он был взят вполоборота, но я сразу его вспомнила...

... Я сидела, задумавшись о чем-то своём, о девичьем, когда рядом со мной кто-то, сдержанно кашлянув, спросил:

– Вы не будете против, если я нарушу ваше уединение?

Я подняла взгляд и увидела, что сбоку от моего столика ожидает ответа мужчина лет сорока – сорока пяти. Плотный, чуть выше среднего роста, шатен с седеющим ёжиком волос. Спокойная, не бросающая одежда: темно-серый вязаный пуловер, бледно-голубая рубашка и галстук в тон к пуловеру. На первый взгляд, не маньяк и не альфонс, а к прочим я индифферентна.

– Нет, не буду, – ответила я и отвела взгляд.

Тут как раз официантка принесла мне салат, и я занялась им.

Мужчина оказался острословом и, поскольку ему нечем было заняться до выполнения заказа, то принялся развлекать меня байками на всевозможные темы. Справедливости ради замечу, кое-что меня действительно ужасно веселило, а поскольку в его балагурстве не было и намёка на начинающееся ухаживание, а лишь бьющая через край общительность, то я и не выказывала неудовольствия, а напротив, позволила себе поддержать треп.

Звали мужчину Григорием, и был он профессиональным фотографом. А в подтверждение сказанного он продемонстрировал мне на планшете некоторые свои работы под названием «Осень в Царском Селе». Слов нет, снимки были превосходны – безбрежная синь неба, золото куполов, багряные клёны, потемневшие дубы и бесстыдно оголяющиеся берёзы. А главное, в них чувствовалось настроение. В общем, я получила истинное удовольствие. Но вот обед закончился, мы попрощались, и я направилась в институт в самом благодушном настроении...

...На оставшихся трёх фотографиях также «позировали» я и Григорий. На снимках играли блики, потому что съёмки велись через витринное стекло (с улицы), но тем не менее все было хорошо различимо. Вот он что-то вещает с серьёзным видом, вот он протягивает мне планшет с фотографиями, а вот мы вместе весело смеёмся.

– И что? – недоумеваю, вернула я фотографии Черкасову.

– Да вот, очень хочется знать, о чем вы так мило беседовали, – ответил Миша и выжидаательно уставился на меня.

– Не поняла, – с ударением на первом слоге протянула я и в поисках поддержки взглянула на Красовского.

Но последний вновь как-то криво улыбнулся, словно у него зуб разболелся.

– В чем собственно дело, Михаил Александрович, – насторожилась я. – Давайте не будем играть в недомолвки. Для начала я хочу знать, почему вас интересует моя личная жизнь?

– Валерия Михайловна, мне и вправду нужно знать, что вам впаривал этот угод, – туманно пояснил Черкасов.

– Подождите, подождите, – начала я кипятиться. – Объясните, пожалуйста, все с самого начала. Кому взбрело в голову тайком меня фотографировать? Вы что, снарядили за мной постоянную слежку? По какому праву? Мне казалось, что у нас установились такие отношения, что можно задать прямой вопрос и получить такой же прямой ответ, а не снаряжать шпииков. Хотя я все равно не понимаю, что вас могло заинтересовать в моей личной жизни! И теперь у меня встречные вопросы. Как давно вы за мной следите? И почему?

– Эдуардыч, давай подключайся, – взмахнул рукой Черкасов. – А то я устал.

– Валерия Михайловна, – вступил в беседу Красовский. – Мы за вами слежку не снаряжали. Упаси Боже, что вы так могли на нас подумать! Эти фотографии принёс и отдал охране какой-то велосипедист, по виду похож на курьера. Так они и попали к нам. А деятель, что изображён с вами, нас действительно интересует. Вот что вы про него знаете?

– Ну, его зовут Григорием, – оступив, стала объяснять я. – Насколько я знаю – он фотограф. Он показался мне довольно общительным и приятным собеседником. Вот, пожалуй, и все. И вообще, я его видела в первый раз. И как теперь понимаю, в последний.

– Ну, ё-моё! – вдруг взорвался Миша. – Опять двадцать пять! Валерия Михайловна! Вы же сами только что сказали, что на честный вопрос – идёт честный ответ. Так чего вы нам мозги парите? Какой из него фотограф? Как из меня слесарь седьмого разряда. В гробу я его видал, а не рядом с вами!

– Я вам честно ответила! – вспыхнула я.

– А что он вам показывал? – чуть поумерив голос, снова наседал на меня Черкасов.

– Это цикл тематических фотографий про осень. Так может быть, теперь вы мне объясните, кто это такой, по вашей версии?

– Это Шпаченко, он же Гриша Скворец, – заговорил Красовский. – Скажем так, один из конкурентов Михаила Александровича. Очень неудобный и очень неприятный конкурент.

– Ерунда какая-то, – заметила я. – А вы не обознались? Какой из него мафиози? И даже если это так, то зачем он будет подсаживаться ко мне, изображая из себя фотографа?

– Так, тормознётся! – воскликнул Миша. – А он не мог к вашей одежде, или сумочке жучка прикрепить? Хотя нет – зачем ему это? И самое главное, кто сфотографировал ваше свидание?

– Никакое это не свидание! – вспыхнула я вновь. – Я зашла в кафе пообедать, а он уже позже подсел. И само собой разумеется, что он никаких жучков ко мне не присоединял. Это было бы возможно, если бы мы обнимались, или если бы я уходила куда, а сумочку на стуле оставила. Мне кажется это у вас паранойя, – ввернула я шпильку в ответ на давешнее замечание. – А что касается Григория, то он просто похож на вашего Скворца. А вы и рады были

обознаться. Опять вам всюду враги стали мерещиться? В конце концов, он все время в профиль сидит.

– Ага, – саркастически усмехнулся Миша. – А кто-то моментально среагировал на такую встречу и начал фотографировать вас, зная о моем отношении к Скворцу.

– Если поверить Валерии Михайловне, а я склонен это сделать... – начал К.Э.

На что я тут же среагировала едким «спасибо», но мой выпад Мишин советник проигнорировал и продолжил:

– Если поверить Валерии Михайловне, то получается, что Скворец решил изобразить из себя простого парня, в надежде попробовать прощупать – идёт Валерия Михайловна на контакт, или нет. Но тогда напрашивается интересный вопрос: для чего он это сделал, и что за комбинация начинает складываться? Ведь на Скворца такое поведение не похоже. И тогда получается, что... Нет, ничего не получается, – сокрушённо закончил Красовский.

– А вам не кажется интересным, – вдруг встрепенулась я, – что если это случайная встреча, то откуда о ней мог узнать тот, кто нас фотографировал?

– Точно! – оживился и К.Э. – Я что-то заикнулся на том, зачем это нужно Скворцу. А не подумал о самом простом. Ясно! Михаил Александрович! Это же чистой воды – провокация! Ну-ка, ну-ка, Валерия Михайловна, а у этого вашего новоявленного приятеля имелись наколки на руках? Хоть какие-нибудь?

Я тут же вспомнила о ухоженных, артистичных руках вчерашнего собеседника и отрицательно мотнула головой. Татуировок на таких руках не могло быть по определению.

– Подстава? – нахмурился гигант.

– Именно, – непонятно чему обрадовался К.Э. – Это же классика. Берётся двойник, делается фотографии и вперёд – как минимум посеяно недоверие, а по максимуму – рвутся деловые или личные контакты.

По кабинету словно свежий ветер пролетел, сдувая тяжёлую атмосферу всеобщей подозрительности. Ну это я так, приукрасила, конечно, впечатление, но не так уж и нафантажировала. По крайней мере, Миша явно расслабился. А Красовский тут же попросил Леночку принести в кабинет бутылку коньяка со всеми полагающимися атрибутами.

– Что ж, поздравляю! – съехидничал К.Э. – Теперь у вас, Валерия Михайловна, имеется персональный враг, который явно на вас зуб точит. Зато ваша жизнь станет гораздо интересней и насыщенной.

– Спасибо за пророчество, только я бы обошлась без этого. Мне достаточно и статьи в газете, – ответила я и полезла в сумочку за сигаретами.

Мы закурили, и некоторое время дымили молча, почти как индейцы, запалившие трубку мира. Вот только один вопрос вертелся у меня на языке и, наконец, выскользнул наружу:

– И кому этот спектакль мог понадобиться?

Жаль, что ответа так и не дождалась. Гипотез выдвигалось множество, да только все они оказались несостоятельны.

И хотя мы прилично выпили за мир и дружбу, и мужчины повинились передо мной не единожды, и была организована доставка моего тела домой по высшему разряду; но, уже отходя ко сну, я все равно ощущала неприятный осадок от происшедшего.

Однако, поразмыслив, решила их простить. Все-таки, уж очень у них работа нервная. Поневоле подозрительность разовьётся. Вон сколько фильмов про это снято. Что ни друг у гангстера – то предатель, что ни подруга – то изменница. Кошмар, кому верить? Так почему я должна быть исключением?

И все-таки чего-то я недодумала. Что-то не складывалось в образе вражины, организовавшей тайную фотосессию.

Сон внезапно прошел и я, невзирая на усталость, поплелась на кухню: посидеть, покурить, поразмышлять на заявленную тему.

Что мы имеем? Статью в Бургаловской газете, а теперь в дополнение – инсценировку моей встречи с неким Скворцом, судя по намёкам – крупным уголовным авторитетом. В первом случае – желание дискредитировать моё доброе имя в глазах общественности, во втором – вбить клин в мои отношения с Черкасовым. Все это требует денег, времени, а главное – очень серьёзного мотива. Но сколько я ни напрягала память, а достойного кандидата не находила.

И причина. Причина! Причина!!! Где она?

Если хотели поспорить меня с Черкасовым, то зачем? Хоть у нас с ним деловые отношения, но дорогу я никому перебежать не могла. Поскольку серьёзный человек должен был понимать, что к Мишиным делам я не имею ни малейшего отношения. Далее, поспорить можно супругов, любовников, а мы с Мишей ни тем, ни другим не являлись. Значит, собака зарыта в другом месте?

А может быть – провокация в кафе – это отвлекающий манёвр? Или намерение лишить меня черкасовской поддержки?

Сам Бургалов никак не подходил на роль врага. Он всего лишь наймит. Значит, кто-то стоит за ним. Спрашивается, как вычислить этого «кого-то», если Черкасов и К.Э. отказывают в помощи? Самой взяться за оружие и выйти на тропу войны? Хорошо бы, только я ничего не умею. И почему у меня за плечами нет службы в десантных войсках, или спецназе?

В общем, сколько я ни ломала голову, а ничего путного не надумала. Взглянула на часы и ахнула – уже полтретьего ночи! Тогда я глотнула успокоительного и отправилась спать...

Глава 2

Всю прошлую неделю из меня вытягивал жилы нескончаемый дождь. Холодный, октябрьский дождь. Семь дней скачущее атмосферное давление измывалось над моей бедной головой. И вот, не видя все это время ясна солнышка (только на фотографиях псевдо-Гриши), я уже окончательно готова была впасть в депрессию.

Но за ночь все внезапно поменялось. На календаре октябрь сменился ноябрём. В тоскливой свинцовой осенней хмари, прибившей город к земле тяжёлой дланью, появились робкие проблески белёса-голубых мазков. Асфальт высох и из грязно-чёрного превратился в светло-серый. А прохладный и сухой воздух принёс долгожданное облегчение.

Так что я в превосходном настроении отправилась на работу. А светофоры, словно сговорившись, едва я к ним подъезжала, загорались зелёным. И прочие водители не организовали ни единой пробки на моем пути. И даже гаишники, такое ощущение, решили себе устроить выходной от трудов праведных (или неправедных?). Поэтому я домчалась до Московского проспекта за рекордное время (для меня, конечно). И поскольку в запасе оставалось полчаса, я не пошла на кафедру, а устроилась покурить рядом с крыльцом.

Через несколько минут ко мне присоединилась Оксана и мы зацепились языками, привычно отгоняя особо надоедливых студентов, пристававших с глупыми вопросами. Оксана уже которую неделю пребывала в сомнениях. Ей очень хотелось перейти в «Апейрон», и в то же время боязно было бросать гарантированный заработок в институте. Везде были свои плюсы и минусы. И сейчас она уже по сотому разу пересказывала мне свои переживания, втайне надеясь, что я взвалю ношу ответственности на свои хрупкие плечи. Но мне хватало собственных проблем, поэтому я ловко уклонялась от предлагаемого бремени.

– Нет, ну ты как думаешь, у нас есть перспектива? Ну, хотя бы на несколько лет? – зянула волюнку Оксана. – Ты ж пойми, тебе хорошо, у тебя есть покровитель. Он тебе пропасть не даст. А я? Вдруг твой центр развалится, и что? Я ведь в институт уже не смогу вернуться. И опять себе работу искать? Знаешь ведь, я уже и риэлтершей попробовала быть в своё время, и в ПТУ преподавала. А как-то хочется стабильности и ясности.

Я привычно пожала плечами и выдала уже набивший оскомину ответ:

– Оксан, гарантий я тебе дать не могу. Это твой выбор. И потом, ты сама ведь начала все эти разговоры с переходом в «Апейрон». Заметь! А я тебе ответила в самый первый раз, что если решишь к нам присоединиться, то я тебя с удовольствием возьму.

Подруга обречённо и горько вздохнула, явно досадуя на меня за изворотливость. Но тут во двор въехал институтский микроавтобус и подкатил к крыльцу. Я обрадовалась столь внезапно появившемуся «спасательному кругу» и поспешила сменить тему:

– Интересно, кто это к нам пожаловал?

– Сейчас увидим, – заинтересовалась и Оксана.

Институтским водителем был новенький, желчно-унылого типа, мужичок по имени Егор. Относительно новенький, конечно, – с прошлого учебного года. На вид ему было лет сорок.

Егор распахнул боковую дверь и с безучастным выражением лица застыл рядом, дожидаясь пока пассажиры покинут салон. Вначале появился розовощёкий, жизнерадостный брюнет в модном темно-коричневом пальто. Я его сразу про себя окрестила Пупсом. Терпеть не могу подобных молодчиков, непрерывно излучающих пластиковую улыбку. Добро бы, если бы эта улыбка имела натуральное происхождение. Так нет же, это тщательно созданный образ по американской кальке «преуспевающего менеджера».

Пупс вылез, приосанился, поправил на себе пальто и протянул руку в салон. Выудив оттуда пузатый кейс-сундучок, удовлетворенно вздохнул, и оглянулся вокруг. Мазнул по мне и Оксане оценивающим взглядом и неожиданно подмигнул. Я моментально ответила презри-

тельной усмешкой, отчего он слегка стушевался, впрочем, ненадолго. Вновь принял самодовольный вид и развернулся к микроавтобусу.

Оказалось, что Пупс приехал не один, а в компании двух особ, которым и помогал сейчас выбраться из салона. Обеих дам я моментально зачислила в ряды фининспекторов. Наверное, интуиция сработала. А может, это просто подсознание отметило неуловимые повадки, властность во взгляде, некую надменность у вновь прибывших. Если коротко: «генералы в юбках». Одна была полнотелой уроженкой Кавказа (не то грузинкой, не то азербайджанкой), а другая, с узкими, поджатыми губами, наверняка вела родословную из Прибалтики. Они дополняли друг друга, как Белый и Рыжий, как Карцев и Ильченко. Пупс на их фоне совершенно потерялся. Дамы, выбравшись на свет Божий, тоже неспешно осмотрелись по сторонам и, согласно кивнув друг другу, двинулись к ступенькам.

Когда они прошествовали мимо нас, не удостоив и взгляда, я прокомментировала увиденное:

– Бедная Тамара Семёновна! Не иначе, как по её душу!

В принципе, я могла бы и не высказывать сочувствие. Тамара Семёновна содержала бухгалтерию на «отлично» и не боялась никаких проверок. Другое дело, что нервы ей все равно помотают изрядно.

– А мне кажется, это из комитета по образованию, – возразила Оксана. – Мне помнится, я там видела этого кобеля.

– Почему кобеля? – удивилась я.

– Взгляд совершенно кобелиный, – сказала, как отрезала, подруга. – Да и тётки больше похожи на министров, чем на налоговиков.

Министрвами мы называли чиновных дам. Производное от министерства и стервы.

Но тут к нам пристроились две приятельницы с соседней кафедры и разговор, само собой, перешёл на тему повышения зарплаты и одновременного повышения количества часов.

...Оттарабанив на подъёме две лекции, я подумала, что заслужила глоток хорошего кофе и, собравшись на время покинуть родные пенаты, направилась на Московский проспект, в одну знакомую кофейню. Но не тут-то было. Уже за воротами меня нагнал какой-то студент:

– Валерия Михайловна! Вас к ректору! Срочно!

– Зачем это? – досадливо осведомилась я.

– Не знаю, – развёл руками паренёк и развернувшись, двинулся обратно в институт.

Поплелась вслед за ним и я, прикидывая, зачем это понадобилась Белявской. Не иначе, как в очередную командировку загнать хочет. И вот, вся в раздумьях – поартачиться мне, или безропотно согласиться, я явилась пред грозные очи начальства. И, к удивлению, обнаружила утреннюю троицу, вольготно расположившуюся в кабинете Белявской.

Сама Маргарита Васильевна, нахмутив брови, изучала что-то на экране монитора. Судя по мимическим подергиваниям лицевых мышц ректора, материал был не из приятных.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась я с компанией.

– А вот и Верницкая, собственной персоной, – саркастически отреагировала на моё появление Белявская, не отрываясь, впрочем, от экрана. – Прошу любить и жаловать.

– Так мы за этим и приехали, – ответил загадкой Пупс.

Он прямо-таки расцвёл, видимо припомнив нашу пикировку взглядами на крыльце. И в глазах его явственно запылал жертвенный огонь.

Мне никто не предложил сесть, и я осталась стоять, показывая всем своим видом крайнее нетерпение – мне рассиживаться некогда, давайте в темпе обсудим тему, и я удалась. Хотя, если откровенно, то подобное начало мне ужасно не понравилось, и я тут же встревожилась, гадая, где бы достать соломки, да куда ее постелить.

– Ну что ж, Валерия Михайловна. Знакомьтесь. Это комиссия, из Москвы, – наконец оторвалась Белявская от компьютера. – Бэла Рустамовна, Инга Витальевна и Леонид Семёнович. Они приехали специально, чтобы задать вам ряд вопросов.

– Ну, не совсем так, – уточнила Бэла Рустамовна. – Вообще-то мы приехали по поводу продления лицензии вашему институту. Но в отношении вас, Валерия Михайловна, мы получили определённые полномочия.

Она говорила без акцента и как коренная москвичка. Скорей всего так оно и было.

Я пока ничего не поняла, но тут же испугалась до дрожи в коленках. Министерская комиссия – это вам не шутки. И потому непроизвольно ухватилась за спинку ближайшего стула, что не осталось незамеченным.

– Да вы присаживайтесь, – по-хозяйски распорядилась Бэла Рустамовна. – И не бойтесь. Никто вас за просто так казнить не собирает. Мало ли кто что напишет. Но вот если все-таки всплывут крайне неприятные для вас факты, то министерство пошлёт запрос в ВАК о рассмотрении обстоятельств, при которых вы защитились, и лишения вас кандидатской степени.

Я так опешила от услышанного, что впала в ступор. Тут же в голове помутилось, а перед глазами все стало расплываться. Все же я превозмогла дурноту и внимательно оглядела своих мучителей. Пупс откровенно наслаждался ситуацией. Министреры отвечали мне снисходительными взглядами, мол, попалась голубушка, так что теперь придётся держать ответ. И лишь в глазах Белявской я заметила проблески сочувствия.

– Да что случилось-то? – наконец обрела я голос, правда внезапно осипший. – Ничего не понимаю. Вы хоть объясните толком.

Я закашлялась, и только это позволило мне справиться с готовыми брызнуть слезами.

– Видите ли, в министерстве получен сигнал о том, что ваша диссертация написана не вами, что вы её купили, – терпеливо пояснила мне Бэла Рустамовна (видимо в этой «могучей кучке» она являлась рупором). – И мы призваны разобраться с этим вопиющим фактом. А вы нам в этом поможете.

Тут Пупс ехидненько улыбнулся, подтверждая слова своей коллеги.

На мгновение мне показалось, что я попала в театр абсурда, где стала одновременно и зрительницей, и главной страдательной героиней. Но в этот же момент и успокоилась:

– Маргарита Васильевна, вам ли не знать, что это моя диссертация! Доказывать, что я не верблюд, я не собираюсь, поскольку презумпцию невиновности никто не отменял. А уважаемой комиссии отвечу: не вы мне шары выставляли, не вам и степени меня лишать.

И я поднялась с места, намереваясь покинуть этих инквизиторов. Но тут впервые заговорила Инга Витальевна. Она роняла слова сухо, колко и размеренно, словно внутри ее действовал метроном, не допускавший ни малейших интонаций:

– А что это вы так вскипятились. Не к лицу преподавателю психологии вести себя подобно истеричной особе. Поступил сигнал, и мы обязаны разобраться. К сожалению, и вам это прекрасно известно, в стране появился новый вид интеллектуальных услуг по написанию работ разного уровня. Как курсовых и дипломных для студентов, так и кандидатских, и докторских для соискателей. Пока мы не имеем оснований полагать, что вы воспользовались подобными услугами, но жизнь есть жизнь. И вместо того, чтобы показывать норы, подумали бы, как облегчить жизнь и себе и нам. Может, присядете обратно?

И я послушно уселась, как школьница. И только тут спохватилась:

– А что за сигнал? Я имею право с ним ознакомиться?

– Ну, это собственно и не сигнал, в привычном понимании этого термина, – оживилась Бэла Рустамовна. – Дело обстоит гораздо хуже. Будь это обычное письмо, или даже анонимка, мы бы решили этот вопрос келейно при любом раскладе. Но, к сожалению, статья опубликована в интернет-газете «Колокол.ру». И сразу же растиражирована по многим изданиям. А у

нас в министерстве новые веяния – мы теперь держим руку на пульсе даже виртуальных изданий. Поэтому дело о вашей диссертации взято на контроль самим министром.

Вот тут я и схватилась за голову. Вот он – третий удар моего врага. Как я была права! Но что же делать? Первым порывом у меня возникло желание поделиться с собравшимися своей проблемой. Но тут же передумала. Это лишь усугубит моё положение.

– Я могу ознакомиться с... сигналом? – я даже не сразу смогла подобрать определение.

– Пожалуйста, – Бэла Рустамовна протянула мне распечатку на двух листах, скачанной из Рунета статейки, посвящённой лично мне.

В верхнем правом углу моя фотография. Я стою в пол-оборота на улице и кому-то улыбаюсь. На мне любимый английский костюм синего цвета. Судя по состоянию причёски – фотография сделана в сентябре прошлого года. В принципе снимок получился удачным. Я выглядела очень даже неплохо. Вот только кто меня сфотографировал?

«Куда смотрит министерство образования и науки?»

«...Никуда! Никуда не смотрит наше министерство. Оно слепое, как крот. А если что-то и различает изредка, то в пределах Садового кольца. И что творится за его окраинами, ведать не ведает. О чём это я? Да все о том же, о всеобщей продажности и перекупленности.»

Далее автор впал в морализаторство и общие рассуждения, и лишь затем перешёл к делу:

«...А где примеры, спросите вы? И я отвечу с удовольствием. Взять хотя бы свежеспечённого кандидата психологических наук Верницкую Валерию Михайловну (Петербургский институт прикладной психологии). В мае она успешно защитила диссертацию на тему игровых зависимостей, собрав превосходные отзывы. Её руководители искренне поздравляли свою подопечную на роскошном банкете, устроенном после защиты! Как же, появился очередной высококвалифицированный специалист.

Вот только одно огромное НО! Диссертация была выполнена безвестным исполнителем некоей фирмы под странным названием «Дилетант», вольготно расположившейся на просторах Рунета. Причём я вполне допускаю, что диссертация была слеплена добротной, качественно и содержала вполне оригинальную идею. И что научный руководитель, и защита, и оппоненты были абсолютно уверены в том, что авторство принадлежит Верницкой В.М. Увы! Если бы так все и было!

Пять тысяч долларов, что заплатила госпожа Верницкая, вернутся ей сторицей. Ведь теперь она легко может повысить тарифы в частной практике, прикрываясь как щитом, заветным званием. Да и в институте она приподнялась в «табели о рангах». Везде плюсы.

И есть только один минус. Это отсутствие совести у нашей героини. Впрочем, какая может быть совесть у психолога, давно связавшего свою судьбу с представителями криминального мира? Но это уже тема отдельного разговора».

Автор данного опуса, судя по всему, решил остаться безымянным. И хотя некоторые обортона были изменены, я сразу же почувствовала стиль Бурталова. Вот значит, как! Значит, он решил вновь атаковать меня. Но в этот раз его номер не пройдет. За наглую, беспардонную клевету он ответит.

– Я могу сказать только одно, – жаль, что дрожащий от волнения голос не придавал моим словам убедительности, – всё, что здесь написано, сплошная ложь. Это моя диссертация. От начала и до конца. И это легко может подтвердить мой научный руководитель Ланье Дмитрий Юрьевич. Обратитесь к нему.

– Увы, Дмитрий Юрьевич сейчас где-то над Атлантическим океаном, – заметила Белявская.

– Как? – ахнула я. – Ведь он же должен был лететь в Штаты через полмесяца.

– Там несколько изменилась программа, – туманно пояснила ректор. – В любом случае Ланье нам сейчас не доступен.

– Кроме того, – с сожалением во взоре обратилась ко мне Бэла Рустамовна, – ваш наставник станет нас горячо заверять, что он перечитывал главы, которые вы ему приносили, что он делал определённые замечания, и вы послушно корректировали диссертацию. Но это не опровергает главного обвинения, что основной текст за вас набросали, вы уж простите, «негры».

– Но ведь это легко проверить, – изумилась я. – Выяснить, где находится эта фирма и все там узнать! Поступал ли к ним такой заказ, или нет.

– Кто это будет делать? – парировала Бэла Рустамовна. – Мы не полиция, чтобы заниматься розысками. И потом, с чего вы взяли, что вам так сразу все и расскажут? Как я понимаю, вся их деятельность глубоко законспирирована. Так что они легко откредитуются от знакомства с вами. И что? Подобный исход вы предлагаете расценивать в вашу пользу?

– Но вы же можете сравнить опубликованные мною статьи и диссертацию, – защищалась я изо всех сил. – И сразу увидите, что они написаны в едином ключе и на одну тему.

– Для профессионального «негра» не составит труда скопировать манеру диссертанта.

– Но объясните мне, пожалуйста, – взмолилась я, – зачем мне покупать диссертацию, если я и так работаю в институте? Ведь, насколько мне известно, это нужно политикам и бизнесменам, не имеющим отношения к науке, но желающим приобщиться! А мне-то зачем?

– Вот это мы и хотим понять, – парировали хором обе дамы.

– И как, рассуждая, по-вашему, я должна доказать, что это поклёп и клевета? – решила я уточнить.

– Все очень просто, – вновь заговорила Инга Витальевна. – Покажите, пожалуйста, свой архив по диссертации. Нарботки, черновики. Все материалы, убеждающие в вашем авторстве.

– Но... – тут я расстроилась окончательно, – я же работаю на компьютере. И все черновые записи я удалила весной, после защиты. Остался только чистовой вариант. Я же не знала, что меня обвинят в... чёрт знает в чём.

Я опустила голову и только тут заметила, что мёртвой хваткой сжала сумочку, словно собиралась удушить ее. С трудом я заставила собственные руки разжать пальцы, но лишь для того, чтобы они судорожно сцепились друг с другом.

– Нас не интересует содержание вашей диссертации, – мягко, прямо-таки по-матерински, заметила Бэла Рустамовна. – Мы бы хотели взглянуть на практические материалы, на основе которых выстроена ваша концепция. Протоколы, записи бесед. Уж это-то вы, надеюсь, вели не на компьютере?

– Нет, конечно, – обрадовалась я. – Но боюсь, вы там не все разберёте. У меня не самый лучший в мире почерк.

– За нас не беспокойтесь, – усмехнулась Бэла Рустамовна. – Значит, договорились, завтра утром вы нам приносите весь наработанный материал, а заодно уж и журнальные статьи, и саму диссертацию.

– Всё понятно? – строго переспросила Белявская, оторвавшись от монитора.

– Да, – коротко ответила я и поняла, что пора отсюда уносить ноги.

– Кстати, – в первый раз за все время я услышала голос Пупса, – а что это за намёки в конце статьи о связях с мафией?

– Понятия не имею, – легко откредитовалась я от знакомства с Мишей. – Спросите лучше у автора, что он имел в виду.

Незачем московских гостей посвящать в сложные взаимоотношения простой петербургской преподавательницы и Черкасова Михаила Александровича по прозвищу Циклоп. Начнут думать про меня невесть что.

– Спасибо за совет, – хмыкнул Пупс. – Я его обязательно учту.

А красивый голос у Пупса. Он, наверное, им очень гордится и в компаниях обязательно поёт романсы, даже если его и не просят.

– Ну, так я пойду, – робко поинтересовалась я у инквизиторов.

– Конечно, конечно, – милостиво отпустила меня Бэла Рустамовна. – А завтра к девяти утра, вы уж не забудьте.

Я выскользнула из кабинета чуть ли не в китайском стиле: пятась и непрерывно кивая головой. И лишь закрыв за собой плотно дверь, позволила себе выпрямиться и шумно выдохнуть воздух.

– Ну, как? – участливо поинтересовалась Анжела, секретарь Белявской.

Но я лишь отмахнулась от расспросов и поплелась на кафедру зализывать раны. В связи с предстоящим заседанием вся кафедра была в сборе. Народ сразу же обступил меня и, пользуясь отсутствием студентов, я принялась жаловаться на злодейку-судьбу. Дверь тут же была закрыта на ключ, меня принялись отпаивать кофеём и выспрашивать подробности. Так, под ахи и охи, я пересказала разговор, случившийся в ректорате.

– Кошмар! – шумно возмутился Володя. – Коллеги, может быть, мы напишем письмо в защиту Леры? Что это за возврат к сталинским методам управления? С каких это пор министерство образования вмешивается в дела Высшей Аттестационной Комиссии? Да какое право имеют эти варяги устраивать проверки. Уж кому-кому как не нам знать, что Лера – честная труженица.

Вся кафедра тут же поддержала эту идею. И Володя, не мешкая, устроился за столом сочинять письмо московским визитёрам.

Володя, вернее Владимир Валентинович, параллельно со мной по весне защитил докторскую диссертацию, и потому особенно живо примерил на себя подобный выверт. Ни он, ни я заветные корочки ещё не получили.

Все с воодушевлением расписались под «ответом Чемберлену», и в принципе, столбец фамилий под воззванием стал выглядеть неслабо: сплошные к.п.н. и д.п.н., профессора и доценты. А профессор Румянцев (так сказать, брэнд нашего института на международной арене), внезапно воодушевившись всеобщим порывом, изъявил желание лично вручить ноту.

Я пыталась протестовать, поясняя, что завтра принесу свои протоколы и комиссия убедится, что все по-честному, без подлогов, но Румянцев, пристроив трость под мышкой, как денди, отправился к Белявской.

Во время заседания я совсем было успокоилась, но уже в конце рабочего дня, когда садилась в ласточку, то с неудовольствием обнаружила, что на меня уставился Пупс, прохаживавшийся по аллее между корпусами. У него даже бровь приподнялась от удивления. От хорошо просчитанного удивления. Такого, чтобы я заметила. Вот ведь гад.

Что, разве не может быть у простого преподавателя психологии машины? Ну «Пежо-206», ну и что? Ничего. Да только я чуть не воочию увидела, как в голове у Пупса зашевелилась мерзким змеиным клубком масса вопросов, преимущественно нелицеприятных.

Хлопнув в сердцах дверью, отчего ласточка негодующе вздрогнула, я завела двигатель и, не дожидаясь пока он хоть немного прогреется, рванула с места. И выворачивая на Московский проспект, в зеркале заднего вида заметила, что Пупс провожает меня иезуитским взглядом...

...Дома, прямо в дверях, меня встретила Кармелита. Она вертела хвостом, как пропеллером и преданно заглядывала в глаза. Я разделась, гадая, к чему бы это и на всякий случай решила пройтись по квартире. Но, едва зайдя в кухню, поняла причину такого поведения – моя любимая кофейная чашка приказала долго жить. Кто-то её разбил вдребезги, смахнув со стола. И я догадалась кто. Кармелита осторожно следила за мной, не переступая порога кухни, но я её поманила к себе и, ухватив негодницу за ухо, грозным голосом спросила:

– А ну, признавайся, кто это сделал?

Только овчарка вдруг жалобно заскулила (хотя за ухо я ее потрепала совсем не сильно) и, вырвавшись из моих рук, бросилась в комнату. А уже оттуда донесся сердитый лай. Я поспешила на зов. Кармелита, припав к полу, яростно облаивала что-то под диваном. Пришлось и мне заглянуть туда. А там преспокойно спала (вернее делала вид) Кэри.

– Так это ты разбила мою чашку? – ахнула я.

На что кошка лениво открыла глаза и, потянувшись, сменила позу.

– Ах ты, сиамская тварь! И ты даже не хочешь повиниться? – рассердилась я. – Тогда и я на тебя обиделась! Пока не извинишься, я с тобой разговаривать не буду!

Мой спич воздействия не возымел. Кэри лишь нервно дёрнула хвостом, словно говоря:

– Ах, отстаньте от меня!

Ладно, я поднялась с пола и пошла на кухню убирать осколки, а заодно покормить вкусностями едва не пострадавшую от облыжного обвинения Кармелиту. Так вдвоём мы и просидели: я нагрузилась кофе, овчарка насладилась сахарной костью (такой увесистой костью, там и мяса было немало). К слову сказать, Кэри так и не появилась.

Лишь теперь я занялась, собственно делом. Для чего повытаскивала из секретера свои папки с материалами. Кошмар! Сто шестьдесят пять человек! Мой почти четырёхлетний труд!

Стопка получилась внушительная. В моей сумочке для такой прорвы места, разумеется, не предполагалось изначально, а портфель имелся единственный – Верницкого. Но не показываться же мне с мужским портфелем в институт? Поэтому я выбрала полиэтиленовый пакет поновее и уложила приготовленные бумаги в него. А чтобы не забыть утром, положила на самое видное место в коридоре, на пуфик.

Вдохновившись содеянным, я решила разгрести прочие завалы в секретере. И закипела работа. Я привела в порядок книги, кассеты, диски, и прочее, и прочее. Но больше всего места занимали черновики, рукописи, старые записи и прочий рукописный хлам, окружающий психолога. Кроме того, многие вещи я уже успела занести в чрево компьютера и теперь мне вся эта макулатура была не нужна.

Бедлам в комнате достиг высшей точки, когда домой заявился Сергей и стал шумно требовать ужин. Однако я предложила ему на выбор: либо он сам себе что-нибудь сварганит, либо подождёт, пока я закончу.

Сергей предпочёл пассивное времяпрепровождение и, развалившись на диване, стал наблюдать за моими действиями. Однако надолго его не хватило, и он принялся посвящать меня в подробности своей строительной эпопеи: и где трубы дешевле, и где какие скидки, и что он слышал в очередях про безалаберных рабочих.

Я слушала вполуха, просматривая листы и раскладывая по стопкам. А заодно соображала, что бы такое приготовить на ужин. Наконец, секретер явил собой образец порядка и чистоты, а на полу набралась целая кипа бумаг, готовых к выбросу, которые я и рассовала по мешкам.

Тут весьма кстати вернулась Наташка. Я вышла в коридор, встретить дочку и заодно озадачить. Наташка с порога шумно упала прямо на пуфик, свернув с него мой заветный пакет на пол, и тут же принялась открещиваться от чистки картошки и прочих кухонных задач.

– М-а-а! Ну ты не представляешь, как я устала! – заныла маленькая скандалистка. – Дай хоть полчаса отдохнуть.

– Между прочим, я с твоим отцом тоже не в бирюльки играла, – парировала я, но это не возымело положительного результата.

Дочка перебазировалась к себе в комнату и демонстративно заняла горизонтальное положение, отделившись от окружающего мира наушниками, из которых тут же послышалось: «тум... тум... тум... бам». Меня это так возмутило, что с полминуты я простояла в дверях, испепеляя взглядом лентяйку.

Но тут решение пришло само собой. Я вернулась к Верницкому и заявила:

– Собираемся! Ужинать будем не дома, а куда-нибудь отправимся. Разведем какой-нибудь новый ресторанчик. А эта... будет наказана.

Я написала дочке записку весьма угрожающего характера, где ей предлагалось самой себя покормить (из того, что будет найдено в холодильнике), а также произвести у себя в комнате (а

лучше по всей квартире) генеральную уборку, если она хочет получить на следующую неделю деньги на карманные расходы, а также на оплату ее телефона. И если к нашему возвращению это не будет сделано, то я явлю себя в гневе.

Сергей явно обрадовался такому повороту и уже через минуту был готов к походу. Со мной дело обстояло не так быстро, но поскольку макияж следовало только подновить, то через пятнадцать минут мы тихонько, на цыпочках, покинули квартиру.

Вечер прошел замечательно. Мы отправились в итальянский ресторанчик на Петроградке и не пожалели. Почти пустой зал (что было нам только на руку) и замечательная кухня. Под деликатесы и вино, под звук рыдающей гитары в руках длинноволосого юнца, весьма похожего на итальянца, мы вдруг пустились в ностальгические воспоминания.

А помнишь то..., а помнишь это..., а правда здорово?.., да, конечно...

И было нам хорошо. С размягченными душами, готовыми обнять весь свет и простить даже отъявленного негодяя, чуть не сбившего нас с Сергеем на пешеходном переходе, мы прошли пешком по Каменноостровскому проспекту, а потом на такси вернулись домой.

Финансовый рычаг – вот самый замечательный способ воздействия на подкорку подрастающего поколения. Натка сумела осознать масштаб бедствия, могущего свалиться на её голову, и потому сочла за лучшее выполнить все, что я написала. Придаться, конечно, можно было, например за то, что не помыла окна, не постирала занавески, не приготовила на завтра обед. Ну да ладно, в конце концов, не Золушка, а родная кровинушка.

Сергей отправился выгуливать Кармелиту, а я устроилась на кухне с внеочередной чашкой кофе. Кэри явно почувяла, что настал благоприятный момент для замирения. Правда повиновалась в свойственной ей манере. Забралась ко мне на колени, будто вообще ничего не произошло. Ну и я не стала прогонять гордячку...

...Боже мой! Как я кричала! Аж самой стало стыдно. Как базарная торговка, у которой украли всю выручку среди бела дня! Как раненая белуга! Как противовоздушная сирена!

Наконец, как трижды несчастный преподаватель психологии, который не нашёл утром за пять минут до выхода пакет с приготовленными материалами по защите собственной чести и достоинства для высокой московской комиссии.

– Я СЛУЧАЙНО ЕГО ВЫБРОСИЛА!!! НУ, МАМОЧКА!!! ТЫ ЖЕ САМА НАПИСАЛА, ЧТОБЫ Я ПАКЕТЫ ИЗ ГОСТИНОЙ ВЫБРОСИЛА, И ИЗ КУХНИ МУСОР! ВОТ Я И ПОДУМАЛА, ЧТО ЭТОТ, КОТОРЫЙ В КОРИДОРЕ, ТОЖЕ НА ВЫБРОС ПРИГОТОВЛЕН!!! – голосила в ответ совершенно невменяемая Натка.

Только что я объяснила ей и взлохмаченному, проснувшемуся от моего крика, Сергею, масштаб бедствия. И что если меня лишат степени, то я, то я...

– Я тебя своими руками задушу! – свистящим от невыносимого накала шепотом заявила я дочке. – Сама родила, сама и убью! Ты хоть понимаешь, что наделала?

– Ну, мамочка! – скулила вконец запуганная дочка и попыталась меня обнять.

Но я отпихнула её и решительно пошла к двери. Уже на пороге я обернулась и рывкнула:

– У тебя есть полчаса времени найти дворника и покопавшись в мусоре, отыскать заветный пакет. А затем пулей вместе с находкой летишь ко мне в институт. Ясно? Хоть наизнанку вывернись... Или папу попроси, может он тебе поможет.

Уже в машине я посмотрелась в зеркальце и ужаснулась увиденному: вытарашенные глаза, встрёпанные волосы! Пришлось немного посидеть, приводя нервы в порядок, не хватало в аварию попасть.

В аварию я, слава Богу, не попала! И в институт поспела к сроку. И ровно без пяти минут девять стучалась в ректорский кабинет.

– Да! Да! – пропела из-за двери Бэла Рустамовна и я перешагнула порог.

Белявская отсутствовала, зато троица была в сборе. Инга Витальевна листала какие-то бумаги (явно отчёты), Пупс что-то увлечённо исследовал на компьютере, а Бэла Рустамовна, стоя в центре кабинета, разговаривала с кем-то по мобильнику.

– Доброе утро! – сдержанно поздоровалась я с москвичами.

Они вразной манере покивали, но лишь Бэла Рустамовна, попрощавшись с невидимым собеседником, уставилась на меня:

– Итак! Вы принесли материалы? – строго осведомилась она, явно начиная подозревать меня в мошенничестве, поскольку в моих руках не наблюдалось ничего кроме маленькой сумочки.

В дороге, прикинув так и этак разные варианты, я решила остановиться на правде.

– Видите ли в чём дело, – заговорила я и Пупс с Ингой Витальевной, насторожившись тут же оторвались от своих занятий. Поэтому я продолжила исповедь уже под перекрёстным огнём трёх пар глаз. – Я приготовила вчера все, что вы просили. Но моя дочка по ошибке выбросила пакет в мусоропровод. Я это обнаружила только сегодня, перед тем как идти на работу. Но ничего не потеряно. Мусор у нас вывозят ближе к полудню...

– Ну, знаете, дорогая! – возмущённо взорвалась Бэла Рустамовна. – Более нелепого, глупого и, я бы сказала, бездарного объяснения мне не приходилось слышать. Архив выбрасывается на помойку и именно тогда, когда в нём возникает нужда. Вы это можете себе представить?

И она картинно повернулась к своим товарищам. Те укоризненно покивали головами, явно негодуя на то, что я посмела выдвинуть такое смехотворное оправдание.

– Видела бы вас сейчас Маргарита Васильевна! Вот достойный человек! А вы её обманули! – продолжала линчевать меня Бэла Рустамовна. – Вы ведь взрослая женщина! Неужели вы всерьёз рассчитывали, что посулите на словах несуществующие материалы, и мы вам поверим? Или примем во внимание письмо, сочинённое на вашей кафедре? Ах, она такая, ах она хороша! Не смейте её трогать! А ларчик просто открывался! Вам нечем подтвердить своё авторство! И вы начинаете юлить и нести околесицу! Подначиваете своих коллег, чтобы они за вас заступились! Неужели вам не совестно?

Подобное отношение меня сильно покорило, и я покинула негостеприимный кабинет, чтобы не сорваться и не наругать в ответ. Несомненно, моё положение ухудшилось бы чрезвычайно.

Бэла Михайловна что-то выкрикнула мне вслед, но я решила не переспрашивать и отправилась читать лекцию. Лекция не получилась – это следует признать. Когда все мысли только об одном: нашли домочадцы искомое, или нет. Тут не до занимательной подачи материала. Тут читаешь с конспекта и вдруг забываешь, в каком месте читала и вообще о чем речь. А сама прислушиваешься, вдруг да завибрирует мобильник в кармане пиджака.

Но, увы! Лекция закончилась, а из дома – ни ответа, ни привета. И пока я грустно размышляла, что мне делать – пойти на кафедру, или на улице покурить, ко мне приблизился очередной посыльный из первокурсников:

– Вас, это, в ректорат требуют!

В ректорат, так в ректорат. Я грустно кивнула в ответ и пошла на свою Голгофу. Хорошо хоть никаких тяжестей тащить не пришлось.

Белявская восседала в кресле, подобно Зевсу Громовержцу. А вдоль длинного стола в рядочек устроилась министерская троица.

– Здравствуйте, Маргарита Васильевна! – тихо поздоровалась я.

– Не ожидала я, Валерия Михайловна, от вас такого! – тяжело заговорила ректор. – Да вы хоть понимаете, что сами себе всю карьеру перечеркнули! Если ВАК лишит вас степени при таких обстоятельствах, то о психологии вы можете забыть. И как вам вообще могло прийти в голову вводить в заблуждение Ланье? Выйти на защиту с липовыми данными? Ой, у меня слов нет! Зла не хватает... А какое пятно на институт?

– Да уж! – подхватила эстафету Бэла Рустамовна. – Наше пребывание здесь заканчивается, и уже завтра я буду с докладом у министра. Пусть случившееся для вас станет уроком, что все тайное рано или поздно становится явным. В вашем случае – рано.

Я стояла и думала, что все это неправда, этого не может быть, это блеф. Но нет, никто не улыбался и не говорил, что я – молодец, что это был просто Розыгрыш и меня все это время снимали скрытой камерой. Что я могла сказать в своё оправдание? Ничего!

– Вы свободны, Верницкая, – донесся до меня из тумана голос Бежавской. – А потом я вас жду у себя в кабинете в четыре часа дня.

– Хорошо, – безучастно откликнулась я и вышла в приёмную. Занятия уже начались, и у меня по плану сейчас значился семинар с третьекурсниками, но боль, гнездившаяся в груди, была настолько сильна, что я, наплевав на обязанности, вышла на улицу и в одиночестве устроилась покурить.

Но и тут меня достали. Скрипнула дверь, и на крыльце возник Пупс. Он спустился ко мне и тоже вытащил сигарету. Я отвернулась, но не ушла, в конце концов, я первой встала на этом месте.

– Валерия Михайловна! – вдруг обратился он ко мне. – Не расстраивайтесь. Далеко не все потеряно! Жизнь – вещь многогранная. Вы понимаете меня?

– Нет, – буркнула я, не собираясь разбираться в его философских построениях.

– А зря. Шесть штук и вопрос улажен.

– Что? – изумилась я и повернулась к Пупсу.

И он, ничтоже сумняшеся, пояснил:

– С вас шесть тысяч долларов и министру будет доложено, что все в порядке и некая Верницкая честно заслужила свою степень.

Я принялась хватать ртом воздух, а он, видимо неверно истолковав мои действия, заторопился дальше:

– Я ведь тут навёл о вас справочки. Вы у нас женщина с достатком. Машины меняете как перчатки, коттедж загородный строите. Тихо! Тихо! Я ведь не собираюсь интересоваться, откуда у вас эти деньги. Просто я констатирую факт: вы – дама при деньгах. Так что шесть тысяч – это вполне разумная сумма. Конечно, с вашим ректором вы уж разберётесь сами, без нас. Ну так, как? Соглашайтесь, это я по-божески цифру назвал.

Я отдышалась для спокойствия, а потом медленно, по словам, произнесла:

– Пусть я никогда не буду преподавать, но вы от меня ничего не получите!

И аккуратно опустив окуроченный окурок в урну, вернулась в корпус. Надо же провести семинар. Только я не сумела взять себя в руки. Чудовищная несправедливость, обрушившаяся на меня, наполнила разум, презрев робкие попытки охладить эмоции. И минут через десять, пока вся группа слушала доклад своего товарища, я вдруг исторгла из груди такой надрывный всхлип, что сама испугалась внезапного звука.

Студенты замерли, а я, бросив все, выскочила из аудитории в поисках закутка, где можно было бы всласть выплакаться. И, пулей пролетев по пустынному коридору, спряталась в туалете. Хорошо, что здесь имелось окно с широким подоконником. На нём-то я и устроилась. Вот только рёва не получилось, так – жалкое хныканье. Пока я бежала по коридору, весь запал куда-то исчез. Тогда я закурила и попробовала дозвониться до Сергея, жаль, безрезультатно.

Что ж, порыв отчаянья прошёл, и я задумалась о том, как мне действовать в сложившейся ситуации. Сдаваться я не собиралась. Первым делом нужно будет связаться с Ланье. Я бы сделала это прямо сейчас, но на дворе, в Питтсбурге, куда он полетел, глубокая ночь. Ничего. Безвыходных положений не бывает, мы ещё повоюем.

В этот момент дверь в туалет приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась голова девочки из брошенной мною группы. Она встретилась со мною глазами и прошептала:

– Валерия Михайловна! Вас там какой-то мужик спрашивает!

– Мужик? – переспросила я, недоумеваю, кто бы это мог быть.

– Ага, мужик, – охотно подтвердила студентка. – Только странный какой-то. Вроде и одет нормально, а несёт вонищей как от бомжа. И глаза безумные.

– Так значит, мужик? – внезапно развеселилась я и соскочила с подоконника.

– Ну да, – растерялась студентка.

Я выскочила в коридор словно влюблённая школьница. И действительно, рядом с открытой дверью в аудиторию, маячил не кто иной, как Верницкий, собственной персоной.

– Серёжка! – закричала я. – Нашёл?

– А то как же! – гаркнул в ответ супруг и потряс для убедительности принесённым пакетом.

Я подбежала, чтобы обнять его и поцеловать...

Я сделала это, но только совершив над собой определённое усилие. От Верницкого несло несусветной гадостью. Теперь я поняла, что имела в виду студентка.

– Ф-фу! – не сдержалась я.

– А ты что думаешь, два часа в помойном ящике провести, это шутки? – обиделся Сергей. – И это я на себя полфлакона одеколона вылил, чтобы меньше воняло.

– Честно скажу, не помогло, – ответила я и, взяв его под руку, повлекла к лестничному проёму. – Домой вернёшься, все сразу в корзину брось, в стирку.

– А куда мы идём? – поинтересовался, озираясь кругом, супруг.

Надо сказать, что в моем институте он был впервые.

– К ректору. Ты там всё им сам и объяснишь, – ответила я. – Кстати, бумаги хоть все на месте?

– Большая часть – да.

– Как это? – неприятно изумилась я.

– Видишь ли, – замялся Сергей. – Пакет рассыпался. Но я вроде бы все нашёл. Вот только некоторые листы запачкались и две папки основательно подмокли. Но ты не беспокойся, я на них вылил остатки одеколона.

Я застонала, представив лица москвичей, но Рубикон был давно перейдён, оставалось только победить.

Анжела удивлённо вытаращилась на нас, но пока она соображала, что к чему, я, коротко постучав в дверь, открыла ее, не дожидаясь приглашения.

Белявская и члены комиссии наслаждались в этот момент великолепно пахнущим кофе.

В эту идиллическую картину мы явно не вписывались. Ни я, ни тем более мой муж, занёсший с собой шлейф тошнотворных миазмов.

– Что это такое? – возмутилась Белявская. – Что вы себе позволяете Верницкая?

– Доказательство, – коротко пояснил Сергей и вывалил на стол из пакета ворох моих записей и наблюдений, на основе которых и была написана диссертация. – Смотрите, читайте, нюхайте.

Последнее слово он зря произнёс.

Бэла Рустамовна первая с шумом отодвинула стул и вышла из-за стола, брезгливо морща нос:

– Вы что, Верницкая, издеваетесь? Вы нам предлагаете рыться в помоях и отбросах?

Пупс и Инга Витальевна также отпрянули от стола.

– Это не помои, а слегка запачканные бумаги, – парировала я.

Мой голос снова слегка дрожал, но теперь от едва сдерживаемого торжества:

– Можете их не смотреть. Но! Предупреждаю, что если вы дадите обо мне отрицательный отзыв министру и в ВАК пойдёт запрос, то при разбирательстве... А оно закончится в мою пользу, уверяю вас!.. Так вот, при разбирательстве я особо подчеркну, что это именно вы ввели в заблуждение своё начальство.

Бэла Рустамовна переглянулась со своими коллегами и вооружившись карандашом, начала вчитываться в верхние листы. Она брезгливо сталкивала импровизированным орудием прочитанное в сторону, явно не желая хотя бы случайно прикоснуться к бумаге. Выждав с полминуты, к ней присоединились и Инга Витальевна с Пупсом.

Белявская, молча смотревшая на безобразия, творившиеся в ее кабинете, поднялась и распахнула все форточки, а затем с просительной улыбкой обратилась к Сергею:

– Вы бы не могли покинуть кабинет? Иначе мы все здесь задохнёмся.

– Пожалуйста, – широко улыбнулся мой спаситель.

Судя по всему, его эта ситуация несколько забавляла. Он подмигнул мне и сказал:

– Раз я больше не нужен, то поеду домой. Ты уж тут теперь сама.

Копание в бумагах продолжалось минут двадцать, но перелопачена была лишь половина. Москвичи выполняли эту работу с таким видом, словно прямо сейчас умрут от охватившего их омерзения. Хотя после того как Сергей вышел, дышать стало гораздо легче, а вскоре я так и вообще притерпелась. Чего уж тут, что называется, рожи корчить? Всего-то публики: Белявская, да я.

Наконец, Инга Витальевна первой прекратила разбирать мои письма и вышла из-за стола со словами:

– Все, не могу больше, я пошла мыть руки.

И старательно не глядя в мою сторону, скрылась в приёмной.

Вслед за ней со вздохами облегчения ретировались и остальные. Мы с Белявской переглянулись и... продолжили молчание. Мне его хранить было не трудно – я ощущала за своей спиной топот гонцов, возвещающих родной город о победе. Победа, правда, была с душком, но что с того?

– Ради Бога, избавьте меня от этого, – нарушила тишину Маргарита Васильевна и повела рукой в сторону завала из бумаг.

– Все завершилось к обоюдному удовольствию, – прокомментировала я происходящее и принялась укладывать «ароматизированные» бумажные листы в папки. – Так мне приходится в шестнадцать ноль-ноль? Или как?

– Уйдите, Верницкая, – взмолилась ректор. – У меня из-за вас голова уже второй день болит! Уйдите с глаз моих!

Что я с удовольствием и выполнила. Помахивая пакетом, я продефилировала мимо возвращавшихся в кабинет Белявской москвичей и подчёркнуто чинно раскланялась.

Они проводили меня весьма нелюбезными взглядами, я в ответ выдала лучезарную улыбку, и вернулась в аудиторию. Разумеется, группа уже растворилась в окружающем институт пространстве. И я решила повторить их поступок, что было нетрудно, поскольку на сегодня занятий у меня больше не было...

Хотя нет, есть у меня занятие, да какое! Только чисто личного характера.

Господин Бурталов довёл меня до слез два раза за полмесяца. Но если он думает, что раз он журналист, значит лицо неприкосновенное, то ошибается. Ужас какое прикосновенное! И я ему это докажу не позднее, чем сегодня. Чем сейчас!

Задумано – сделано. Через полчаса я припарковалась у «Лениздата» и лишь тут всерьёз озаботилась, а как же именно я буду это доказывать. Физическое рукоприкладство? Неплохо бы, но кто это будет исполнять практически? Не я же. Верницкого вызывать? Так он на роль народного мстителя абсолютно не годится. А те, кто годятся, отказались наотрез, и второй раз я их упрашивать не собираюсь. Тогда может пойдёт в ход моральное унижение? Но как можно унижить беспринципного папарацци, я не представляла ни капельки. Не писать же на стенах здания крупными буквами «Бурталов – козел»?

Тут я немного остыла и решила, что месть – блюдо тонкое и требует тщательной подготовки. К тому же всплыл в памяти совет самого Бурталова о том, что прежде чем предприни-

мать какие-либо шаги, неплохо разузнать о человеке побольше, и я решила ему последовать. Приняв такое судьбоносное решение, я воспряла духом и отправилась домой.

Порог я переступила буквально вслед за Сергеем (минут на пять позже, не больше). И он тут же, весь сияя от удовольствия, едва я захлопнула за собой дверь, принялся посвящать меня в перипетии поисков жемчуга в навозной куче. И как дворника никак было не найти, и пришлось ему идти в домоуправление и вместе с дамой-управляющей вскрывать мусорный отсек и все вываливать. Как могут дворники работать в такой человеконенавистнической атмосфере? А потом пришлось доплачивать за беспокойство. А каких трудов стоило найти злополучный пакет! И все это без противогАЗа!

Выслушав полный отчёт и объявив свою безграничную благодарность, я принялась за устранение последствий. Загнала Верницкого в ванну, затолкала провонявшие помойкой вещи в стирку, и устроила по всей квартире сквозняк. Лишь после этого Кэри изволила появиться на кухне. И все равно брезгливо принохивалась, словно не весь запах выветрился. Вот такая у меня сиамская. Она даже в те редкие моменты, когда я её выводила на прогулку, старалась не касаться лапами грязной земли.

Зато Кармелита, полугодовалая кавказская овчарка, явно была недовольна моими действиями. Такое пиршество запахов, понимаешь, хозяйка ликвидировала, никого не спросив. И потому она сердито меня облаяла. Но я почесала её за ушами, достала из холодильника сахарную косточку и мир был восстановлен. А тут и свежeweымытый Сергей нарисовался.

– Есть хочу, – безапелляционно заявил он, усаживаясь на кухонный диван.

Кармелита подумала, подумала и тихонько подтягнула, мол, и она того же мнения. Хотя ещё с костью не справилась.

Но я к этому требованию успела подготовиться. Пока Сергей мылся, я разогрела котлеты, а к ним выставила всякую всячину, которую закупила в универсаме: от салатов до копчёностей. Любой героизм требует поощрения.

– Да мой господин, – отрапортовала я, сервируя стол.

Верницкий с удовольствием оглядел благолепие и, поглаживая круглый (увы мне, увы!) живот, заявил:

– Да за такой обед я каждый день готов рыться в мусорных бачках.

– Хорошего понемножку, – отрезала я.

А чуть позже я попробовала выпытать у супруга, нет ли среди его знакомых хакеров.

– Кого? Хакеров? А зачем тебе? – любопытствовал муж.

– Да вот задание хочу им дать, пусть выяснят, кто распространил обо мне клевету в Интернете.

На самом деле я знала, кто мой враг, но не хотела лишний раз нервировать Верницкого.

– Это можно, – разрешил Сергей и потянулся за своей записной книжкой, лежавшей на подоконнике. – На! Вот нужный тебе парень. Зовут Ракшас. Он просто немного повернут на индийских темах, а так нормальный. Он сейчас наверняка дома. Так что смело звони.

Что я и сделала, уйдя в комнату. Нечего Верницкому слушать, о чем пойдёт разговор.

Я набрала номер и почти сразу мне ответил молодой, чуть хриловатый голос:

– Ась?

– Здравствуйте, я бы хотела поговорить с Ракшасом! – вежливо ответила я, решив не обращать внимание на подобное скоморошество.

– Ну, так! – подбодрил меня тот же голос.

– Вы – Ракшас? – уточнила я на всякий случай.

– Нет, блин, Кришна! – язвительно ответил мне хакер.

– Послушайте, молодой человек, – рассердилась я, – если вас интересуют заказы по вашей специальности, то будьте добры разговаривайте по-человечески, а не идиотничайте.

– Замётано, – согласился с моими требованиями хакер. – Только хотелось бы знать, кто вам дал мой телефончик?

Я сослалась на Сергея, но получила неожиданную отповедь:

– Не-а, не знаю такого. Без поручителя заказы не беру.

И на том конце положили трубку. Я вернулась на кухню и сообщила Сергею:

– Он сказал, что тебя не знает.

– А-а-а, – досадливо протянул Верницкий, – это он в конспирацию играет. Скажи, что ты от Тифона Тринадцатого.

– Чего? – слегка опешила я. – Это кто Тифон Тринадцатый? Ты что ли?

– Ну я, – нехотя сознался муженёк. – Это у меня ник такой был в своё время, когда мы с Ракшасом познакомились.

Да уж, это ж надо. Взрослый мужик, а придумал себе дебильное прозвище. Ладно, я не стала комментировать вслух открытие, а повторно набрала номер Ракшаса и выдала полученную информацию.

– Это другое дело, – откликнулся хакер. – Давайте встретимся завтра, где-то в час дня в центре. Например, на Владимирском.

Однако мне это было не очень удобно, и я предложила пересечься на полчаса раньше у своего института. Возражений не последовало и я, подробно объяснив, как буду одета, попрощалась с хакером.

Верницкий посидел-посидел, отвалившись от стола, а потом задал вопрос, которого я в принципе ждала:

– Ну а теперь-то ты хоть объяснишь, из-за чего мне пришлось словно бомжу ковыряться в помойке? Что случилось с твоей диссертацией? А то утром сплошной крик был, не до объяснений. В институте твоём тоже как-то недосуг. А вот сейчас, когда я сытый и добрый – самый раз.

– Пойдём, – потянула я его за собой в комнату и вместо объяснений включила компьютер, а войдя в Интернет, набрала в Яндексе свои полные инициалы.

Поисковик тут же выдал несколько сайтов, в которых упоминалась наша фамилия. Загрузив первый же сайт, я предложила Сергею:

– Читай!

И сама в порыве мазохизма заново пробежалась по заметке, из-за которой подверглась угрозе лишения кандидатской степени.

– Но это же чистойшей воды враньё! – возмутился Верницкий. – Ты же столько времени по ночам сидела, корпела, а этот писака что себе вообразил?

– Вот поэтому я и хочу привлечь Ракшаса. Пусть он выяснит, кому так приспичило опорочить моё доброе имя. Ведь из-за него я имела реальный шанс лишиться диссертации!

– Понятненько, – протянул Сергей. – А вот интересно, этого клеветника по суду можно привлечь к ответственности, или нет?

– Не знаю, – пожала я плечами, – но поинтересуюсь. У меня консультантов много.

– Правильно, – неожиданно поддержал меня муж. – Такие вещи нельзя оставлять безнаказанными. Совсем эти журналисты распоясались. Газет им мало, так они и Интернет решили превратить в одну сплошную «жёлтую виртуальность». Так что подключай своего Циклопа и пусть он разнесёт их сервер к чёртовой матери.

– Хорошо, так и сделаю, – взяла я под козырёк, несколько удивлённая агрессивностью супруга. Но, в конце концов, может же он переживать за меня?

И, передохнув с часик, я отправилась на работу в «Бастион».

Если первая половина дня прошла на высоком, предынфарктном уровне, то вторая половина явилась ей полной противоположностью. Я сидела буквально никакая, как амёба в первые минуты после деления. Но что удивительно, четыре часа работы моё состояние не ухудшили, хотя и не улучшили.

И вот, когда я, облегчённо вздохнув, закрыла офис и тихо побрела к ласточке, на стоянку въехали два Мишиных джипа и оттуда вывалили: сам Черкасов, Красовский, телохранители и прочий люд. Я поздоровалась с ними и побрела дальше, вытаскивая из сумочки ключи от машины.

– Валерия Михайловна! Пойдите, – нагнал меня Константин Эдуардович. – У вас что-то случилось?

– Нет, – я равнодушно помотала головой и двинулась дальше.

– Но я же вижу, что что-то произошло, – не отставал от меня Мишин помощник.

– Просто я устала сегодня, и голова болит, – попробовала я соврать, но безуспешно.

Тут подоспел Миша, явно решив слегка откорректировать мои ближайшие планы. И вот они с Красовским, подхватив меня с двух сторон под локти, повели к лифтам. Сопротивляться было бессмысленно, да и не было сил. Меня сейчас можно было куда угодно повести, хоть на плаху, я бы слова против не сказала, поскольку опустошена была до предела, и даже за предел.

Однако, когда Константин Эдуардович лично сделал кофе с ирландским виски и взбитыми сливками, у меня стал просыпаться аппетит и вкус к жизни. И вскоре я уже вполне осмысленно взирала на окружающий мир и Мишу с его помощником.

Мы сидели на кухне, расположенной на четвёртом этаже «Бастиона», рядом с кабинетом Красовского. Мужчины составили мне компанию, вот только решили обойтись без кофе, ограничившись одним виски.

Вы знаете, поплакаться в одну жилетку – это хорошо, это действенный способ справиться с душевными терзаниями. Но поплакаться в две жилетки – это гораздо лучше. А тут и виски оказал тонизирующее воздействие. И свершилось чудо, я снова обрела способность улыбаться.

Разумеется, мои собеседники не смогли сдержать смеха, когда я только что не в лицах развернула перед ними утреннюю сцену под названием «пропавшие материалы». А когда закончила повествование, Миша заключил:

– Да, министерский наезд – это не слабо! Вот только одно меня смущает. Почему вы решили, что это дело рук Бурталова? На кой ляд ему связываться с Интернетом, если у него под рукой собственная газета?

– Одна рука писала, – коротко пояснила я.

– Тогда другое дело, – хмыкнул Миша и замолчал. – Ну и что думаете делать?

– Для начала хакера найму. Вдруг он что-нибудь да сумеет раскопать. А там поглядим. Кстати, а если удастся доказать, что эта статья – Бурталовская, его удастся привлечь к суду? Ведь Интернет – это тоже средства массовой информации?

– Ну-ка, Эдуардыч, просвети нас, любознательных, – оживился Черкасов.

Видимо эта тема его заинтересовала.

– Статья 129, часть вторая, – ответил Константин Эдуардович. – Ему светит штраф до двухсот МРОТ. Если же он уже был раньше осуждён по этой статье, то может получить исправительные работы. Но это надо конкретно смотреть. Меня в нашей специфической деятельности эта статья как-то до сегодняшнего дня не интересовала.

– А ты поинтересуйся, – с особым нажимом обратился к нему Миша. – И помоги Валерии Михайловне. Это дело святое. За клевету он должен ответить.

– Да что-то мне не верится, чтобы такой матёрый журналист да прокололся. Не мог он такое написать, не проверив, – поморщился Красовский.

– Так ведь потому он и не подписался под статьёй, – вступилась я на защиту своей версии. – Видимо думал, что никто копать не будет. Думал, что я сразу лапки кверху и сдамся. Не на ту напал. Любая литературоведческая экспертиза легко докажет, что статья написана Бурталовым.

– А что, Эдуардыч! И на старуху бывает проруха, – отреагировал Миша. – Что, журналиста лохануться не может? Давай, подключайся, попытка – не пытка!

– Как скажете, – легко согласился Константин Эдуардович.

– Ну вот, Валерия Михайловна, – вновь повернулся ко мне Черкасов, – щёки у вас порозовели, в глазах появился знакомый блеск. Совсем другое дело. Дать вам водителя, или сами домой доберётесь?

Как мне хотелось, чтобы в жизнь воплотился первый вариант, но я собралась с силами и с деланным равнодушием отказалась от помощи. А затем, посидев для вежливости с полчаса, попрощалась с Черкасовым и его помощником и отправилась восвояси.

Глава 3

Утром в среду я проснулась с ясной головой и совершенно адекватной психикой.

Так странно, сутки не прошли с того времени, когда душу мою захлёстывали сильнейшие эмоции: обида, отчаянье, гнев и злость. Но вот конфликт исчерпал себя, и теперь мне даже немножко стыдно стало за своё вчерашнее поведение. Хотя с другой стороны, не я спровоцировала столкновение.

«Может, нам об этом следует поразмыслить на досуге?» – подумала Я.

«Ага», – тут же съехидничало более мудрое Эго: «Мы поразмыслим, и ты же первой поставишь себе диагноз – шизофрения».

А Подсознание ничего не сказала, на то оно и подсознание. Так и не получилось у нас душевного разговора, поэтому я с лёгким сожалением откинула одеяло, и поднялась навстречу новому дню.

Сергей отправился на стройку века, Натка – в школу (по крайней мере, я на это надеюсь). Собралась в институт и я, где в обеденный перерыв мне предстояла встреча с хакером...

...Почему-то я себе представляла Ракшаса существом из американских фильмов: длинноволосый subtilный грязнуля, очкастый и в мешковатой одежде. Он должен был стоять посреди Московского проспекта и удивлённо озираться на реалии жизни. Да, ещё один штрих! Руки его должны были беспокойно дёргаться в поисках клавиатуры или «мышки».

Однако я глубоко заблуждалась. Когда в начале обеденного перерыва я вышла на проспект и остановилась у въездных ворот, ко мне подошёл очень даже приятный юноша, вряд ли ему было больше двадцати двух – двадцати трёх. Аккуратная стрижка, удлинённое интеллигентное лицо, серые спокойные глаза. Расстёгнутое стильное чёрное пальто, открывавшее темно-серый костюм с синим галстуком. Одним словом, милый молодой человек.

Он улыбнулся, слегка, одними уголками губ и обозначил кивок головой:

– Добрый день! Вы – Валерия Михайловна?

И у меня непроизвольно мелькнула мысль: «Как бы я хотела, чтобы у меня был такой сын!» Но тут же мысленно чертыхнулась: «Верницкая! Ты с ума сошла! Вместо того, чтобы прикинуть, насколько ты ещё можешь быть сексуально привлекательной для такого парня, ты примеряешься к роли его матери! Позор джунглям!»

– Да, это я! Добрый день, – ответила я и на всякий случай уточнила. – А вы Ракшас?

Он утвердительно кивнул и уточнил:

– Это мой рабочий ник, но вы можете звать меня Виталием. Так я думаю, вам будет привычней. Куда пойдём посидеть?

И мы отправились в ближайшую кофейню, что было с моей стороны не очень обдуманно. В разгар наших переговоров в зале объявились тётки с соседней кафедры, которые тут же принялись беззастенчиво разглядывать Ракшаса. Я кисло кивнула в ответ на их приветствие и прикинула, что сегодня же про меня пойдёт гулять по институту очередная сплетня.

Сами переговоры прошли очень быстро. Я объяснила диспозицию:

– Вам нужно влезть в личный компьютер некоего Бурталова, это главный редактор одной газеты. Скачайте из его компьютера всю информацию, какую только сможете. Я потом сама разберусь, что важно, а что нет. Это первое задание. А второе более щекотливого характера. Я вам дам адрес сайта, на который этот редактор выложил неприятную для меня информацию. Так вот, я бы хотела по возможности получить доказательства того, что это сделал он сам.

С этими словами я протянула Виталию-Ракшасу листок с отправными данными для поиска, а он, прикинув что-то в уме, назвал причитающуюся с меня сумму.

– Аванс – пятьдесят процентов! – добавил он.

Цифра оказалась для меня удивительной, хотя и подъёмной. Что ж, торговаться в подобных обстоятельствах не приходится, и я вытаскала пятьсот долларов из сумочки:

– Вот! К сожалению, это все чем я располагаю на сию секунду. Если это вас не устраивает, можем прогуляться до ближайшего банкомата.

– Да ладно, – отмахнулся хакер. – Это не принципиально. После сочтёмся.

И протянул мне руку. Для того значит, чтобы скрепить наш договор. Хм, рука, конечно, у него слабенькая. Моя, пожалуй, и то покрепче будет. Вот что значит, когда человек с детства только и умеет, что стучать пальцами по клавиатуре.

Остальное время, пока допивали кофе, мы поболтали о том, о сём. Я поинтересовалась, а зачем он по телефону разговаривал со мной, как уличный хулиган.

– Это я так прикалываюсь, – признался он. – Скучно жить размеренно.

– Хакерство тоже для прикола? – уточнила я.

– Нет. Хакерство меня кормит и позволяет вести независимый образ жизни.

– А вас не смущает, что это противозаконно? – неожиданно для себя самой зачем-то полезла я в дебри этики и морали.

– А вас? – парировал он, и я не нашлась что ответить.

Что ж, сделка заключена, кофе кончился, и мы направились к выходу под прицельным огнём трёх пар глаз моих институтских коллег. Черт! И так весь институт гудит как потревоженный улей, обсуждая мою драчку с комиссией. Так дня не прошло, как сюда добавится тема моей сексуальной жизни. А судя по взглядам, упиравшимся мне в спину – это произойдёт обязательно.

При расставании Виталий-Ракшас сказал, что результаты будут не позднее субботы. На этом мы и разошлись. Он – вскрывать чужие базы данных, я – учить студентов тайнам человеческой души.

Теория – теорией, но надо ведь и на практике эти знания уметь применять. Что я и сделала, перебазировавшись в «Бастион». В принципе сегодня день был лёгкий – всего два Мишиных бойца. С обоими я уже достаточно поработала, так что никаких неожиданностей не предвиделось. Однако второй, по прозвищу Гера Лось, явился на сеанс изрядно, скажем так, выпившим.

Я выразила недовольство и предложила ему перенести нашу встречу на другой день.

– Не надо, Валерия Михайловна, – вдруг взмолился он. – Я наоборот, пришёл к вам поговорить. Вы уж извините, что я датый. Помню, помню, что вы говорили, но сил не было.

Я присмотрелась к нему внимательней и удивилась. Когда он ввалился ко мне в кабинет, то ноги у него явно заплетались, а когда сел и стал разговаривать – даже и не понять, что пьяный. Только глаза красные, да некоторая замедленность в речи.

– Хорошо, Герман, мы поговорим, – согласилась я, – но только если ты будешь держать себя в руках.

– Да я и держу! – с неожиданной злобой повысил он голос, посмотрел на свои заросшие волосами кулаки, и замолчал.

Не стала его торопить и я, прикидывая, что же могло случиться у этого крепкого парня, недаром заслужившего своё прозвище.

– Сегодня Стамеску шлёпнули! – его очередной выкрик повис в воздухе, а я принялась соображать, что же мне делать с такой новостью.

– А он моим корешем был! – выкрикнул Гера и посмотрел на меня с такой мольбой во взгляде, словно я могла мановением руки решить все его проблемы.

– Я сочувствую, – произнесла я дежурную фразу. – Как это произошло?

– В том-то и дело! В жизни не поверю! – начал Гера туманные пояснения. – Стамеска правильным пацаном был! И когда его Циклоп на стройку отрядил, он честно бабки отбивал! Ну, вы в курсах чем Стамеска занимался? Он в первое время все больше с законниками

водился. Короче, ведомственные общаги переводились на подставные фирмы, затем составлялись бумаги об аварийном состоянии. Вот! Потом оттуда всех выгоняли к едрёне фене, делались нормальные квартиры и продавались за нормальные деньги. Так вот, Стамеска не крысятничал и вась-вась с чужими не водился. Это его подставили, бя буду!

– Так, а кто его убил? – задала я главный детективный вопрос.

– Да в том-то и дело, – поскущел Герман. – Свои приговорили.

И замотал в тоске головой, словно никак не мог поверить в случившееся.

– Пацаны болтали, что счёт всплыл откуда-то, на который Стамеска втихую пол-лимона бакинскими слил. Типа, для себя. Да только лажа это! Я не верю! Его подставили!

В общем и целом, картина стала понятна. Он потерял друга, к тому же оказалось, что друг был не таким уж и хорошим. Что ж, подобные жизненные выверты характерны для любых социальных групп.

Мне вот тоже взгрустнулось. Стамеску (он же Петр Чуйкин) я знала довольно хорошо. В своё время он легко прошел все мои тесты, и я написала положительное заключение о его способностях, как руководителя. Да и так он иногда заглядывал ко мне, чтобы посоветоваться по некоторым проблемам. В конце концов, почему бы и нет? Это моя работа. Но вот поди ж ты! И хотя я прекрасно понимала, что не могла даже потенциально обнаружить тайные намерения Стамески, а всё-таки появилось неприятное чувство. Впрочем, оно всегда появляется, когда обманываешься в людях.

Да и чисто по-человечески мне его было жаль. Однако следовало привести Германа в чувство, и я задала следующий вопрос:

– Понятно. И как ты думаешь, кто его подставил?

– Не знаю! – выкрикнул парень. – Не знаю. Я к Циклопу подходил, так он меня и слушать не стал. Скурвился, говорит, Стамеска. За это, говорит, сам знаешь, что полагается. Да только не мог Стамеска своих динамить. Он Циклопа очень уважал. Я-то знаю.

– А сам Стамеска что-нибудь в оправдание говорил? Его ведь не сразу убили? – спросила я и поразилась, как спокойно у меня получается говорить о смерти.

– Не-а, – ответил Герман. – Пацаны говорят, он в несознанку ушёл. Ни да, ни нет. Так и молчал до конца. Как этот, как партизан.

– Но ведь выходит, – задумалась я вслух, – что раз он ничего не говорил в свое оправдание, значит он виноват?

Но Герман вместо ответа лишь пожал плечами, уставившись в пол.

– И потом, ты говоришь, что его подставили. Но ведь это как надо ненавидеть твоего друга, чтобы не поленился и на его счёт перевести полмиллиона долларов? Ты можешь себе представить человека, который готов потерять такие деньги, лишь бы погубить другого? Вот ты подумай, раз ты считаешь себя другом Стамески, были ли у него такие враги?

– Нет, – растерявшись, ответил парень.

– И подумай о следующем, – добавила я. – А тебе не кажется, что имея такие деньги, гораздо проще нанять убийцу, я не знаю, правда, сколько им платят...

– В зависимости от «цели», и смотря кто платит. От десяти тысяч до ста, – моментально просветил меня Герман. – Но бывает всякое. Можно и наркомана за сто баксов нанять.

– Вот, вот, а теперь сравни, что проще: нанять убийцу, или проворачивать сложную комбинацию?

– Чёрт, смотри-ка что выходит? – задумался Герман. – Ловко это вы стрелки перевели. Блин, мне это обмозговать надо, а то... То есть, вы считаете, что Стамеска всё-таки крысятничал?

– Я ничего не считаю, – терпеливо пояснила я. – А лишь помогаю разобраться с ситуацией.

И так мы проговорили весь час. За это время Герман вряд ли сильно протрезвел, но притих, это точно. По крайней мере, теперь я не опасалась, что он выйдет из кабинета и начнёт искать себе на голову приключений.

Да и на ноги он поднялся гораздо уверенней, чем вначале – не давал слабинку в коленках. Уже попрощавшись, Герман направился к дверям, но вдруг обернулся ко мне и попросил:

– Валерия Михайловна! Я чего-то растрепался с вами больше обычного. Так вы, это... не говорите Циклопу или Немцу про то, что услышали от меня... Пожалуйста!

И так это слово «пожалуйста» было необычно слышать из его уст, что я опешила. Но потом приняла строгий вид и напонила ему, что все, услышанное мною от клиента, является тайной.

Он согласно кивнул головой и вышел из кабинета, а я откинулась на спинку кресла и задумалась, как мне жить с этим знанием дальше. С одной стороны, я действительно должна хранить профессиональные тайны.

С другой стороны, убийство – это тяжкое преступление и насколько мне известно, как гражданка своей страны я обязана сообщить об этом в соответствующие органы. Но даже не это главное! Главное – это как мне теперь смотреть в глаза Черкасова, зная, что он обрёл на смерть человека? Хотя с другой стороны, я давным-давно в курсе, кто такой Миша Циклоп и чем он занимается. Вот такая дилемма!

И до того я засиделась в раздумьях, что не заметила, как пролетело полчаса. Но едва я начала собираться, как в дверь постучали и на пороге возник собственной персоной источник беспокойных дум моих.

– О! Моё почтение, Валерия Михайловна! – весело улыбнулся мне Миша. – А я приехал, гляжу, ваша «Пежуха» на стоянке. Во, думаю, повезло мне с вами. Засиживаетесь допоздна. Работаете не за страх, а за совесть. Дай, думаю, загляну, проведу, вдруг какие новости узнаю.

Я поздоровалась в ответ и внимательно взгляделась в лицо Черкасова, пытаюсь понять, что он чувствовал, когда отдавал приказ убить Стамеску. Но нет, ничего нельзя было прочесть на его лице. Все как обычно. И шрам не пульсирует от волнения, и в уголках глаз не прячется беспокойство, и губы не кривятся, и нервный тик не наблюдается.

Он уселся в кресло, что стояло напротив моего стола, и усмехнулся:

– Что с вами? Или у меня на лбу надпись появилась?

И я вдруг ляпнула в ответ:

– Да вот пытаюсь понять, чем вы, сегодняшний, отличаетесь от вчерашнего?

– Так, – посерьёзней Миша. – Это вы о чём?

Но я уже закусил удила и понеслась напропалую:

– За что вы убили Стамеску?

– Опаньки, – хмыкнул Черкасов, но взгляда не отвёл. – Оно вам надо? Это знание?

– Да, – твёрдо заявила я. – Потому что я запуталась, как мне к вам относиться! И вообще, к такого рода сведениям.

– Хорошо, – не стал кочевряжиться Миша и заговорил. – Я поставил Стамеску заниматься строительством, и видимо, он возомнил о себе невзвесть что, потому что полтора года назад начал воровать, с каждого объекта снимая тысяч по пятьдесят. Когда мы провели ревизию, получилось, что он увёл в свой карман почти шестьсот штук баксов. Счёт его тайный мы, разумеется, нашли. Правда, на нем оставалось лишь двести тысяч. Вам всё понятно?

Я лишь кивнула головой в ответ.

– Разговаривать он отказался напрочь. Особенно куда делись четыреста тысяч. Ну да ладно, бабки – дело наживное. Вот такие дела. Поскольку у нас не богадельня, то и методы воздействия несколько иные. Когда он это начинал, то прекрасно понимал, что если его поймут, то он сразу ляжет в землю. Так какие вопросы?

– Но ведь можно было как-то по-другому! – не успокаивалась я. – Отберите деньги, там, накажите как-нибудь, заставьте его отработать, ну я не знаю.

– А я знаю! – с нажимом ответил Миша. – Миндальничать можно воспитательницам в детском саду с малышами, да и то есть предел. А у нас – законы. Воровские, бандитские, как угодно называйте, но законы. Да, жестокие, но если их не соблюдать, то среди братвы получится такой же разброд и шатание, как в стране. А так, все в очередной раз на ус намотали, что за дядей Мишей не заржавеет. Типа, мы – мирные люди, но наш бронепоезд, и так далее. Жаль, так я и не узнал, на чем его замкнуло. Вроде с головой дружил, я его двигать начал. Но не сложилось. Явно Стамеска решил кучеряво пожить, только вот в результате оделся в деревянный макинтош.

– А вы не боитесь, что полиция раскроет это преступление? – спросила я.

– Какое преступление? – откровенно изумился Черкасов. – Господь с вами, Валерия Михайловна! Стамеска умер от сердечного приступа. И мы его послезавтра похороним. Море цветов, гроб из красного дерева. Все как учили. Какая полиция?

– И все равно, это как-то не по-человечески, – уже по инерции сопротивлялась я.

– Вот если бы вы сказали, что это не по-божески, тут я с вами бы сразу согласился, – парировал Миша. – А так, очень даже по-человечески. И вообще, давайте замнём эту тему! Что тут перетирать, уже все сделано! Или вы от меня покаяния ждёте? Вы говорите, я слушаю.

Но мне нечего было сказать. Не такая уж я и праведница, чтобы других корить. Множество разных мыслей роилось в моей голове и за и против, но ничего не вырисовывалось.

– Ну так что, дальше дружим, или вы теперь со мной и здороваться перестанете? – полушутливо-полусерьёзно уточнил Миша.

Но по его голосу я поняла, что он занервничал, ожидая моего ответа. Что это для него важно. Он был со мной откровенен, надеясь на то, что я пойму его.

И я ответила старой присказкой, много раз слышанной от отца:

– Куда я денусь с подводной лодки?

И Миша меня понял.

– Ну и ладушки, тогда я пошёл. А то что-то засиделся с вами, – он резко поднялся с кресла и направился к выходу.

Но уже у самых дверей обернулся и озорно подмигнул мне, словно нашкодивший школьник, которого только что простили...

... Вечером в четверг раздался звонок:

– Докладывает Ракшас. Задание выполнено на восемьдесят процентов. Когда отчитаться?

– Что значит на восемьдесят процентов? – не поняла я.

– Не по телефону, – отрезал хакер.

И мы условились увидеться в пятницу на том же месте, где произошла первая встреча...

... Когда я шла из института в кофейню, в моей голове вдруг закрутилась фраза «Место встречи изменить нельзя». Такая знаковая фраза после одноименного кинофильма. Вот только в моей голове эти слова произносил Слава Полуниин своим ужасно гнусавым голосом, и в конце сильно тянул «Низзззя!!!» И так все это получилось зрительно, что я воочию углядела впереди знаменитый полунинский жёлтый балахон. Это было невероятно. И лишь потом до меня дошло, что я вижу рекламный плакат, где Полуниин играет с огромным не то мячом, не то шаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.